

Наталья Андреева

детектив & загадка

Три ступеньки в небо

Наталья Вячеславовна Андреева

Три ступеньки в небо

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440115

*Три ступеньки в небо: Эксмо; М.;
ISBN 978-5-699-45573-7*

Аннотация

Он был безмерно счастлив – как только может быть счастлив человек. Впереди простиралась вся жизнь, и он точно знал, что проживет ее всю без остатка со своей любимой – Алей, Ангелиной, Ангелом! Перед женитьбой они полетели в Турцию, а когда вернулись, по дороге из аэропорта их машина попала в аварию. Аля погибла, а Саша погрузился во мрак. Но это оказалось не началом конца – как он решил сперва, – а началом истории жуткого предательства, искушения огромными деньгами, преодоления себя и... Историей такой многоликой, такой непредсказуемой, но всепобеждающей любви...

Содержание

Вместо предисловия	4
Ангел	4
Зависть богов	19
Часть первая	26
Ад	26
Посланник ада	31
Падший ангел	42
Первая ступенька в небо	56
Символ веры	72
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Наталья Андреева

Три ступеньки в небо

Вместо предисловия

Ангел

Небо послало ему ангела. Он об этом просил, умолял, и это случилось. Его личный – собственный, обожаемый до чертиков ангел сидел напротив и улыбался совсем по-детски, открыто и немного застенчиво. Пол он имел женский, глаза голубые, а волосы темно-русые, заплетенные в короткую толстую косу.

– Что я могу сказать по этому поводу? – голос лучшего друга звучал фальшиво. – Поздравляю! Как говорится, не везет мне в карты, повезет в любви! – И Женька так же фальшиво, с плохо скрываемой завистью рассмеялся.

– Какие карты? Орлов, ты о чем? – поспешно спросил он, поймав испуганный взгляд Али-Ангела.

– Не волнуйтесь, девушка, он не игрок, – усмехнулся Женька, глядя на его невесту. – Конечно же, я хотел сказать: в работе. Но не везет в работе – звучит глупо, вам не кажется, дети мои? – Женька перешел на пафос, чтобы избежать

вполне справедливых упреков в свой адрес. — Что ж, развлекайтесь, наслаждайтесь морем, солнцем, шампанским, чем там еще? Любовью, — насмешливо сказал лучший друг. — А я буду трудиться, вкалывать в поте лица, чтобы всем, в том числе и вам, было хорошо.

Справедливо. Они с Женькой не просто друзья, партнеры по бизнесу. Бизнес такая штука, начинать которую мало кто решается в одиночку. Человек наполовину состоит из лени, а на другую половину из всевозможных страхов. Страха, что ничего не получится, что конкуренты будут строить неодолимые козни, а проверяющие всех мастей и должностей вымогать деньги, что кредит не дадут, а если и дадут, то трудно будет его отбить, ну и так далее. Но если есть второй такой же, друг, родственник, супруг, неважно кто, но тоже с желанием и с идеями, то лень и страхи делятся пополам, и так, попеременно сменяя друг друга в роли лидера, можно пойти далеко. Можно даже создать собственную империю, финансовую или еще какую. В истории, правда, остается имя только одного, поэтому и создается иллюзия, что есть некие финансовые гении, или особенно удачливые. А они просто-напросто менее щепетильны и более дальновидны, потому что понимают: у дела должна быть только одна голова. Вторую же надо вовремя отсечь. Да, это больно, но необходимо для самого же дела. Так что, если покопаться в анналах истории, рядом с Великим где-то в самом начале его славного пути всегда найдется второй, имя которому просто Неудачник.

Что же касается его с Женькой... Их страхи полностью оправдались. Господи, чем только они за эти десять лет не занимались! Туманов и Орлов, Орлов и Туманов, генеральный директор и его зам, зам и его генеральный директор, и так раз двадцать, не меньше. Был цветочный павильон в только что открывшемся супермаркете, показалось мало. Размах не тот. Была «Газель» для перевозок, хотя планировался целый автопарк. Силенок не хватило, и «Газель» они в итоге продали. Была овощная палатка, но тоже скромная, без полета. Размахнулись они, торгуя кожей, и даже пытались открыть собственное ателье, индпошив, почти эксклюзив. Не пошло. Разве ж можно выдержать конкуренцию с многорукой Турцией и многоликим Китаем? Потом была точка на одном из московских рынков, где они попеременно пытались всучить наивным провинциалам компьютеры собственной сборки, выдавая их за импортные. Сначала все было хорошо, точек стало две, потом три, потом... Потом, как говорится, суп с котом. Который сварили из него с Орловым те самые конкуренты с их кознями, и впрямь оказавшимися неодолимыми. Потом была история с кредитом, который не удалось в срок вернуть банку. Набежали солидные пени. Затем лег банк, что плохо, но вместе с ним потонули и пени, что хорошо. В один прекрасный день они с Женькой приехали за товаром и обнаружили, что на их счету нет денег. А в кредит никто уже товар не давал, на горизонте замаячил кризис. Пришлось срочно ликвидировать и этот бизнес, по-

нятное дело, себе в минус.

В общем, если вспоминать... То лучше не надо. В их жизни плохого оказалось гораздо больше, чем хорошего, причем все хорошее было связано вовсе не с работой. Но они с Женькой не сдаются. Потому что у тех, кто все-таки имеет свой бизнес, есть еще одна особенность. Они уже не хотят возвращаться к режиму «от звонка до звонка» и жить хоть и с гарантированной ежемесячной зарплатой, но без шальных денег. Без удачи, которая может прийти так же внезапно, как и полное разорение. Жизнь, лишенная элемента неожиданности, не имеет для них смысла. Поэтому они рискуют вновь и вновь, до последнего оттягивая возвращение в лоно государства, которое, худо-бедно, но кормит всех.

Последним их с Женькой предприятием стал ресторан. Ух ты, как громко! Ресторан! «Я – владелец ресторана!» Звучит? Звучит! На деле же это просто второй этаж над гаражами и мойкой, взятый ими в аренду на год. Кухня «европейская», то есть всякая. В одном меню пицца, пельмени и котлеты по-киевски. Есть и суши, на которые в последнее время пошла мода. Все просто помешались на здоровом питании, а кто-то пустил слух, что японцы – долгожители, потому что едят эти самые суши. Кто в это поверит? Япония далеко. Может быть, и правда. Ведь правда – это то, с чем никто не решается спорить, зачастую просто от недостатка информации.

Их заведение называется «Рикошет». Потому что, во-пер-

вых, там стоит бильярдный стол, а во-вторых, у них с Женькой небогатая фантазия, которая за десять лет и вовсе истощилась. Как и все их прочие начинания, «ресторан» успешно прогорает. Они вынуждены в целях экономии сами принимать заказы, сами рассовывать по почтовым ящикам рекламу, и даже – о стыд! – иной раз мыть посуду!

И все-таки он, Александр Игоревич Туманов, благодарен «Рикошету» за то, что тот подарил ему любовь всей его жизни. Вот так. Ни больше ни меньше.

Она пришла за пиццей. С подругой. И долго читала меню. А он в это время читал на ее лице, как в открытой книге, все одолевавшие ее сомнения.

– Аля, давай быстрее! – торопила ее подруга.

А она не спешила, словно давая ему как следует себя рассмотреть. В эти-то десять минут он и влюбился насмерть. Сердце стучало где-то в виске и почему-то справа. У него все перепуталось, и в голове, и во всем организме, который он до сих пор считал абсолютно здоровым. Оказалось, что в нем таится загадочная болезнь. Эта болезнь называлась любовью. Она мирно спала, пока к ней был иммунитет, но стоило ему увидеть эти огромные голубые глаза... которые она подняла от меню и, глядя ему в переносицу, тихо спросила:

– А что вы посоветуете?

«Пойти сегодня вечером на свидание со мной», – подумал Туманов, а вслух сказал:

– Вы мясо едите?

Она залилась краской и кивнула, будто признаться в том, что ты не вегетарианец, невыносимо стыдно. Он не выдержал и тоже покраснел, словно и в самом деле задал вопрос неприличный до крайности. «Господи, как глупо!» Вообще-то он не страдал ни косноязычием, ни застенчивостью. А тут как отрезало. В момент, когда надо было проявить весь свой неординарный ум и вообще все, на что он, Александр Туманов, был способен, он вдруг стал идиотом. Стоял и молчал, чтобы не сказать очередную глупость.

Когда Аля наконец выбрала пиццу, он уже был смертельно болен.

– Сколько ждать? – деловито спросила подруга. – Нам с собой.

«Здесь разве есть еще кто-то? – удивился он. – Кто-то кроме нас с Ангелом?» И сказал, обращаясь исключительно к смертельному вирусу, сразившему его наповал:

– Двадцать минут.

– Двадцать минут! – ахнула подруга и дернула ту, что уже была для него всем, за рукав: – Аля, идем отсюда!

– Давай подождем, – тихо сказал голубоглазый ангел, видимо что-то почувствовав. Как потом выяснилось, это была любовь с первого взгляда.

– Так долго, двадцать минут, – заныла подруга.

«Двадцать минут», – сладко пело его сердце, когда он нес на кухню заказ. «Если за двадцать минут ты не найдешь способа заполучить номер ее телефона, тебе лучше умереть».

Он сделал гораздо больше. Когда время истекло и пицца была готова, а ее телефонный номер все еще оставался неопознанным, Туманов вдруг сказал:

– У нас бесплатная доставка!

– Мы сами донесем, – скривилась подруга, которую он уже успел возненавидеть. Бывают же такие ведьмы!

– Есть некоторые тонкости момента. – И тут он наконец-то проявил находчивость. – Коробку нельзя переворачивать и вообще... Ее надо нести строго горизонтально, а для этого требуется мужская сила.

– Ну да? – округлила густо подведенные черным глаза ненавистная ему подруга.

– Я вам это говорю как профессионал.

– Я что, вчера на свет родилась? – обиделась та. – Будто я первый раз в жизни пиццу заказываю!

– Маша, не спорь, – попросил голубоглазый ангел. – Пусть отнесет.

– Ты разве не видишь, что он к нам клеится? – взывала черноглазая.

«Да нужна ты мне, – со злостью подумал он. – И я не клеюсь. Для меня это вопрос жизни и смерти. Или я женюсь на этой девушке, или не женюсь вообще. Должен же я оставить на земле хоть кого-то? Сына или дочь...»

– Идемте, – позвала его Аля. – Я хочу, чтобы вы отнесли пиццу ко мне домой.

– Дура, – буркнула подруга. – Хоть бы раз ты сказала нет.

Аля и в самом деле была ангелом. Она ни с кем не спорила, ко всем обращалась на «вы» и никогда не повышала голоса. Вот и не верь после этого, что имя, данное человеку при рождении, не влияет на его характер! Потому что ее звали Ангелина, что и переводится с одного из древнейших языков как «ангелоподобная».

«Я искал ее всю свою жизнь», – счастливо думал Туманов, неся за Алей коробку с пищей, как шлейф за королевой. «И наконец-то нашел! Говорила мне мама...» Что именно говорила мама, он помнил до последней запятой. А она говорила: «Женское счастье, Саша, – это тяжелый труд. Работа, которую надо делать изо дня в день. И главная часть этой работы – борьба с собственным эгоизмом. Чего проще сказать: пусть любит меня такой, какая я есть? И куда сложнее стать такой, какую он любит в своих мечтах».

Вот как раз эгоизма в Але не было ни капли. Ей даже не с чем было бороться, она и так жила для других, не для себя. Для брата, которого водила сначала в садик, потом в школу, а после школы в секцию заниматься хоккеем и в плавательный бассейн. Она жила для матери, которая много и тяжело болела и ей не на кого было опереться, кроме Али: отец их бросил. Аля работала и училась, ходила по магазинам и делала всю работу по дому. Ей просто некогда было жить для себя. За это он ее и полюбил.

– Ничего особенного, – сказал, увидев ее, Женька.

«И слава богу! – подумал Туманов. – Это просто счастье,

что в ней нет ничего особенного!»

У них с Женькой было негласное соперничество: чья девушка красивее? Погоня за моделями уже порядком успела Александра утомить, тем более что они с Женькой не стеснялись отбивать друг у друга девушек, лишь бы не потерпеть поражение в этом споре за первенство. Иной раз, не чувствуя к объекту никакой симпатии, только лишь из принципа, Туманов совершал поступки, за которые ему потом было невыносимо стыдно.

Едва появившись в его жизни, Аля избавила его от этого. У Женьки отныне не осталось повода для ревности: его девушки, все как одна, были красивее Али. Хотя это вопрос спорный, речь идет лишь о первом впечатлении. Да, Аля была девушкой не яркой, не такой эффектной, на которой первым делом останавливается взгляд, когда смотришь на стайку оживленно беседующих о чем-то подружек. Она не красила волосы, не наращивала огромные ногти и нечеловеческой длины ресницы, не ходила в солярий. Ее лицо было нормального, естественного цвета. Да, зимой бледное. Но если бы она стала платиновой блондинкой, загорела до шоколадного цвета, сделала бы татуаж губ и глаз... Она бы, вне всякого сомнения, стала признанной красавицей, но он бы ее после этого бросил. Причем без сожаления, потому что она стала бы такой же, как все.

А так Аля была только его. И только он знал, какая у нее красивая грудь, причем настоящая, не силиконовая, какие

густые волосы, живые, мягкие, не испорченные краской, какие огромные, беззащитные глаза. Беззащитные, потому что она редко красила ресницы, и наивный, детский взгляд не затеняла их густая черная тень. Они были ясные и чистые, Алины глаза. Чуть-чуть теней, капелька румян, немного помады, – вот и вся косметика, которой пользовался его Ангел.

– Что ты в ней нашел? – допытывался Женька, который уже чувствовал: что-то происходит.

– Себя.

– Алекс, ты бредишь. Девка как девка. Разве что честная. Но честными бывают только дуры.

Конечно, он бы мог Орлову врезать. За дуру. Речь как-никак шла о его любимой женщине. О будущей матери его детей. Но он знал, что Женька наказан гораздо больше тем, что у него никогда не будет такой, как Аля. Своей, родной. Что ни в одной женщине Женька никогда не найдет себя, свое продолжение, отголосок собственных мыслей, желаний, чувств. И рано или поздно это выльется в банальную зависть.

Так оно и вышло. Они с Алей на десять дней летят в Турцию нежиться на золотом песке, пить шампанское по системе «все включено» и купаться в теплом, как парное молоко, сентябрьском море. В одном Женька прав: они едут отдыхать в то время, как он остается работать, едут наслаждаться счастьем, которого ему не дано. Но у них договоренность: раз в год каждый имеет право на отдых. Женька свой лимит выбрал, когда в прошлом месяце с очередной длинноногой

красоткой прокатился в Италию. Сразу по возвращении он ее бросил и остался один.

– Почему? – спросил Алекс.

– Представляешь, прихожу на ужин в ресторан и вижу, что моя девушка не самая красивая! – ответил Женька.

– Разве это повод? – удивился Туманов.

– Для меня да, – отрезал Женька. – Я на нее кучу денег потратил. Вез огромный чемодан ее шмоток, заплатил за все эти маникюры-педикюры, заказал отель, где полно наших. А она меня так подставила! Все смотрели на какую-то бабу в золотом платье. С па-атрясающей фигурой!

– Ты маньяк.

– Я абсолютно нормален. Каждый мужчина хочет, чтобы самая красивая в мире женщина была рядом с ним. Я бросил девушку, которая не оправдала моих надежд. А ты свою когда бросишь?

– Разве ты еще не понял? Никогда.

Есть особый род зависти: зависть к чужому счастью. Самый, между прочим, обидный. Потому что можно поднапрячься и купить машину круче, чем у друга, заиметь квартиру, которой у него нет, съездить отдохнуть туда, куда тот не может себе позволить. Но разве можно купить любящие глаза, которые смотрят на тебя не отрываясь? А именно так смотрела на него Аля. И когда его взгляд встречался с ее, они оба вдруг вспыхивали и начинали светиться таким глупым, смешным, но таким сияющим счастьем, что, глядя на них,

всем становилось неловко. А Женьке еще и обидно: почему у меня такого нет?

– Это твои проблемы, Орлов, – вслух сказал Алекс.

– Не понял?

– Извини, друг, но так получилось. Я и она – нас теперь двое, понимаешь? – Туманов бессмысленно улыбнулся.

– Я понимаю, что ты спятил, – сердито сказал Женька. – Несешь полную чушь. Что, все? Конец бизнесу? Может, устроишься куда-нибудь в контору, бумажки с места на место перекладывать?

– Может быть, и устроюсь.

– И это сейчас, когда у нас наконец все пошло?

– Ничего у нас не пошло.

– Значит, ты решил стать примерным семьянином? Завести сопливых детишек, ходить на работу с девяти до шести, а в выходные лежать на диване перед телевизором с бутылкой пива?

– Зачем? С коляской гулять по парку. Сопливым детишкам полезен свежий воздух.

– Неужели в тридцать лет жизнь кончена?

– Почему кончена? Только начинается.

– Бред какой-то.

– Это не бред, это счастье.

– Бредовое какое-то счастье. Глупое. Глупое и пустое.

– Это единственно возможное счастье, – тихо сказал Алекс. – Вот ты. Что ты можешь предложить взамен? Ноч-

ные клубы? Девочек? Поездку на курорт с очередной куклой? Да, красивой, не спору. Но тебе же с ней до одури скучно, ты сам говорил.

– А тебе с твоей не скучно?

– Нет, не скучно.

– Это пройдет. Год-два, и пройдет.

– Любовь, если она настоящая, не проходит. Это такие, как ты, говорят, что она проходит, потому что вам больше нечего сказать. А поскольку вам и делать-то больше нечего, как философствовать о смысле вашей неудавшейся жизни, вы повсеместно насаждаете свою точку зрения. И есть расхожее мнение, что любовь проходит. О счастье, Женька, молчат. С ним никуда не лезут, ни в какие передачи, газеты и вообще на публику. Зачем мне это опровергать? У меня есть куда тратить нервы и силы. Говори что хочешь, потому что я знаю: на самом деле ты так не думаешь.

– Я докажу тебе, что прав я.

– Доказывай, – беспечно сказал Алекс и отправился собирать чемодан.

И вот они в аэропорту. Лицо у Женьки, который их сюда привез, мрачное.

– Давай, Алекс... Оторвись там... За нас обоих.

– Через десять дней я вернусь. – Туманов ласково обнимает Алё за плечи. – Скажи мне, Жека, что все будет хорошо.

– Будем надеяться, – хмурится тот.

– У нас что, какие-то проблемы?

– Я не хотел тебе говорить, – внимательный взгляд на Алю. – Раз ты счастлив и все такое.

– Говори!

– Нам вряд ли продлят аренду.

– Пустяки!

– Мы вложили в ресторан все наши деньги.

– Будут еще!

– Ты меня не слышишь. Боюсь, что нас скоро «попросят». А если мы не свернем свой бизнес, с нами поступят жестко.

– Саша, о чем он? – взгляд у Ангела испуганный.

– Пустяки. Жека, ты, как всегда, преувеличиваешь. Аля, он шутит. Это у него юмор такой. Правда, Жека?

– Да, я шучу. В конце концов, ты прав: в первый раз, что ли?

– Не звони мне с плохими новостями, – говорит Туманов лучшему другу перед тем, как пройти на погранконтроль, и легонько подталкивает Ангела в спину, попутно проверяя: нет ли в самом деле крыльев? – Ну, давай! Вперед, девочка! Иди в самый конец зала, там очереди короче, проверено!

– Давай, – Женька мрачно жмет ему руку. – До встречи.

– Держись.

И Алекс идет следом за Ангелом, туда, где к каждому окошку тянутся длинные очереди. Пограничный контроль. Народу в аэропорту тучи, на многих курортах сентябрь – бархатный сезон. Женька остается за чертой между той жизнью и этой. Одна полна хлопот и каторжного труда,

другая безудержного веселья и беззаботного счастья. Одна длинная и нудная, как инструкция по эксплуатации, а другая короткая, как песня, и такая же звонкая. Сегодня он поет ее дуэтом с Ангелом. Вперед!

Зависть богов

Десять дней пролетели, как один. Оно и понятно, отдыхать не работать. Аля часто звонила маме, спрашивала: как они там? Дома все было в полном порядке, сентябрь в Москве выдался теплым и солнечным, и Алина мама чувствовала себя хорошо. А брат... Брат уже вырос, он учился в десятом классе и вполне мог сам себя водить на тренировки в плавательный бассейн и на хоккей.

Что касается Женьки, то тот не звонил. Это означало, что Орлову либо нечего сказать, либо новости плохие. А Туманов сам сказал лучшему другу: с плохими новостями не звони. Он даже начал волноваться.

– Все в порядке, – утешала его Аля. – Женя просто дает нам отдохнуть.

Ну что это за девушка! Она постоянно всех оправдывает! Официанта в баре, который им нахамил: у него просто плохое настроение. Попутчиков, перепутавших багаж и увезших их чемодан в другой отель: люди устали от перелета. Опоздавшего на встречу гида: что ты хочешь, мы же у него не одни? Она оправдывала и Женьку:

– Не хочет нас беспокоить. Он умный, справится сам.

Ты подумай! Орлов, оказывается, умный!

– А я что, по-твоему, дурак?

– Ты, любимый, еще умней. Ты самый умный.

– А если ресторан придется закрыть?

– Ну и что?

– Тогда я останусь без работы.

– Не беспокойся, я работаю.

– Ты хочешь, чтобы я жил на твои деньги?!

– А что тут такого? Люди должны друг другу помогать, тем более муж с женой. У них все общее. Все твое – мое, а все мое – твое.

Скажите мне, можно ли чего-нибудь бояться рядом с такой женщиной? Да горы можно свернуть, когда она это говорит и на тебя смотрит! Вот так и становятся миллионерами! Да что там! Миллиардерами! Властелинами мира! Он теперь уверен, что у них с Алей будет все. И черт с ним, с рестораном! Черт с ним, с Орловым! Отныне каждый из них пойдет своей дорогой.

Он так и сказал Женьке, когда тот наконец позвонил.

– Знаешь, Жека, я решил завязать.

– Завязать с чем?

– Нам с тобой не везет потому, что мы вместе. Неудачный оказался тандем. Возможно, я приношу тебе несчастье. А ты мне. Все, п...ц, – добавил он.

И оглянувшись: не слышит ли Аля? Ангел не употреблял матерных словечек, еще одна их особенность, этих Ангелов. А он, сами понимаете, мужчина, а мужчины матом не ругаются, они матом говорят, особенно если занимаются бизнесом. Женька и ответил ему как мужчина. Алекс оглянувшись: Ангел

спал. Ангел ничего не слышал.

– Не ори, Орлов, – сказал он и зло посмотрел на телефон в своей руке.

– А если бы у нас были деньги?

– Мы бы их поделили и разбежались.

– Значит, все проблемы остаются мне? В документах моя подпись. Нынче я за генерального.

– Жека, давай отложим этот разговор? У меня еще целых два дня отдыха осталось. Ты даже не представляешь себе, что это такое! Два дня!

Ангел зашевелился, зевнул и открыл глаза.

– Она проснулась, – счастливо сказал он в трубку.

– Ты еще не натрахался? – фыркнул Женька.

– Дурак! – разозлился Алекс и дал отбой. – Иди ты на... – Ангел испуганно моргнул. – Я хотел сказать, налоговый инспектор требует отчет. Но это пустяки.

– А я что говорила? – обрадовалась она. – Все хорошо, правда?

– Все замечательно!

Боже ты мой! Когда все так хорошо, аж сердечко екает. От страха. Ну не бывает такого! Уж слишком все прекрасно.

...Через два дня их самолет садился в Домодедове. Ухнул в утренний туман, как в пуховую подушку, все замерли и какое-то время сидели не дыша.

– Я боюсь, – сказала Аля, стиснув его руку.

– Все в порядке, малыш. Это нормально. Так бывает все-

гда, – безбожно врал он, сжимая в ответ ее теплую влажную ладонь. И тут шасси коснулось земли, самолет подпрыгнул раз, другой и уже уверенно покатился по взлетной полосе. В салоне раздались аплодисменты. – Ну вот, я же тебе говорил!

Бледная от волнения Аля улыбнулась, сначала робко, а потом вдруг рассмеялась и тоже захлопала в ладоши.

В тот момент он был уверен, что самое страшное уже позади. И она тоже была в этом уверена. Женька не смог их встретить, но, как они и договаривались, ночью пригнал его машину в аэропорт, на платную стоянку. Когда они шли на посадку, от Орлова как раз пришла эсэмэска, где были указаны координаты парковочного места. Схема была четко отработана, они всегда так делали, поэтому от обеих машин, Женькиной и его, у них имелось по два комплекта ключей. За четверть века настоящей мужской дружбы они привыкли безоговорочно друг другу доверять. Машина сегодня нужна была Туманову для разъездов, дел накопилось много, и Женька это знал.

Багаж получали долго, в Домодедове один за другим садились самолеты из Турции и Египта, самые популярные туристические направления.

Зато машину он нашел быстро: Жека работал безукоризненно.

– Уже хорошо: есть на чем ехать! – радостно сказал Алекс, высоко подбросив и ловко поймав ключи от машины. – Садись.

Настроение было прекрасное, несмотря на пасмурную погоду и неприятности на работе. Они с Алей ехали домой. Они жили вместе вот уже полгода, но ему казалось, что это случилось только вчера. Вчера вечером он привез домой Алин чемодан и пару доверху набитых дорожных сумок. Повесил в прихожей ее пальто с белым пушистым воротником и подумал: надо купить ей шубку. Норковую шубку, голубую, под цвет ее необыкновенных глаз. Скоро зима. Поэтому он опять подумал о шубке.

Она села в машину, справа от него. Хлопнула дверца. Потом он вспоминал все это в мельчайших деталях. Как? Отчего? А главное, почему? За что?!!

Было раннее утро. Улетали они из Турции ночью, рейс был неудобный. Зато в этом были и свои преимущества: в Москве еще не образовались мертвые пробки, а до Кольцевой и вовсе свободно. Туманов ехал быстро, может быть слишком быстро. Поэтому удивился, что кто-то его догоняет. И кажется, собирается обогнать.

– Пропусти, – тихо сказала Аля.

– Еще чего!

Он был мужчиной, а у мужчин в крови борьба за первенство. Особенно если дорога свободна, а у его железного коня мощный мотор. Педаль ушла в пол.

– Саша! – жалобно вскрикнула Аля. И вдруг: – Давай вернемся?

– Зачем?

– Не знаю. Нам надо вернуться.

– Разве мы что-то забыли?

– Там пост ГАИ.

– И что?

– Мне тревожно, – она поежилась и повторила: – Саша, давай вернемся.

«Дурак! – ругал он себя потом. – Ну почему я ее не послушался?»

Его соперник не отставал. В зеркало заднего вида Алекс видел старый «Мерседес» – с тонированными стеклами. Его машина была гораздо новее, но «Мерседес», он и в Африке «Мерседес». Даже старый. Впереди была лоснящаяся от влаги антрацитовая лента асфальта, а вокруг густой туман. Они мчались наперегонки с черным «Мерседесом», и в крови Алекса закипал адреналин. Точно так же стучало в висках, когда он уводил у Женьки очередную красотку. Недолго, но стучало. Ах, как же это было сладко!

«Мерседес» поравнялся с ними и вдруг... Он и сам не понял, что случилось. Это было против правил. Большая черная машина вдруг резко сократила дистанцию и ударила его в бок. Его легкая, как перышко, «француженка» вильнула, Аля вскрикнула.

– Ты что, псих? – заорал он в тонированное стекло, с трудом удерживая руль, и покрутил пальцем у виска.

В ответ его ударили еще раз, уже гораздо сильнее. И он понял, что это не шутки.

– Ну, держись, козел!

– Саша, Саша, Саша... – как заклинание повторял его Ангел, закрыв ладонями глаза.

– Сидеть! – рявкнул он и крутанул руль, уходя от очередного удара.

Но тонированный «Мерседес», не торопясь, выцеливал его машину. Он был гораздо больше и тяжелее его «француженки». Дама есть дама, куда ей тягаться с мужиком, да еще и убеленным сединами? Туманов видел поцарапанный бок «Мерседеса», вмятину на крыле, мощные линии стального корпуса и невольно стал волноваться. И он проиграл, потому что боялся за Алю. Нет, не так. Это она боялась, а ее страх передавался ему, потому что они были одно целое. В какой-то момент он сбросил скорость, и...

Словно со стороны он смотрел, как летит в кювет его машина. И будто в замедленной киносъемке переворачивается раз, другой, третий, а потом замирает. И тишина.

А потом... Что-то выпало из его памяти. Кажется, он потерял сознание. И первая его мысль, когда он открыл глаза, была – Аля.

– Аля!!!

Часть первая

Ад

Он не помнил, сколько прошло времени. Сколько-то дней, ночей, недель, а возможно, и месяцев из его жизни просто исчезли. Их не было, и все. Он был без памяти. Без каких бы то ни было желаний и чувств, потому что его Аля... Его Аля умерла, и он вместе с ней.

Кажется, прошел год. Или больше? А может, меньше. Он совершенно перестал ориентироваться во времени. Из его жизни постепенно исчезли друзья. Он на них не реагировал, и они в конце концов отстали от него. Куда-то делся Женька, добрая его половина, потому что вот уже десять лет они все делали вместе. Но жизнь-то продолжается! Поэтому Женька уехал куда-то искать счастья, предварительно ликвидировав их совместный бизнес. Так потерялся огромный кусок жизни Алекса: работа. Он теперь никуда не ходил, ничего не делал, потому что просто не мог ничего делать. Его жизнь потеряла всякий смысл. Зачем все это, если ничего больше не будет? Он потерял свою единственную. И это – все. Конец.

Он пил. Пил, чтобы забыться. Пил, чтобы умереть. Наделся, что это случится довольно быстро, говорят, есть смертельная доза этилового спирта. Он все искал ее, эту дозу, ко-

торая должна его убить, но, так и не дождавшись, отключался.

Родители... Мудрая мама и вечно занятый отец. Да, они у него были. Они у него остались и после обрушившегося на него несчастья. Они по-прежнему его любили, но что они могли сделать? Ни-че-го.

Мама приходила часто, отец гораздо реже. Он по-прежнему был занят на работе. Зато мама... Она приходила и пыталась с ним говорить.

– Саша, ты слышишь меня? Я знаю, что ты слышишь. Ты молчишь, поэтому говорить буду я. Сашенька, милый... – Что это? Она, кажется, плачет? – Я была у ее матери. Она в большом горе. Ты даже не представляешь, как они тебе сочувствуют!

– Почему мне?

– Но вы же с Алей собирались пожениться!

– Она должна в первую очередь думать о дочери.

– Она о ней и думает. Но ты... Ты для них сейчас гораздо важнее. Алин брат... Тебе интересно?

– Не знаю. Наверное, интересно, – его голос звучит не слишком уверенно.

– Ее брат закончил десятый класс.

– Как? Уже?

– Ты что, забыл какое сегодня число?

– Я забыл месяц, мама. Я забыл год. Для меня сейчас все одно и то же. И зима, и лето, и осень, и весна.

– Сейчас весна, Саша.

Ему опять кажется, что мама плачет.

– Да что ты говоришь? – удивляется он.

– Но она уже заканчивается. Через три дня лето.

– Лето? Как лето? Что, уже лето?

– Когда же ты выздоровеешь?

– Ты что, еще не поняла? Никогда.

– Саша, Саша, Саша...

Какой знакомый голос. Неужели у него начались галлюцинации? Конечно! Столько пить!

Она вернулась. Его Аля-Ангел. Сидит у постели, лицо бледное, под глазами синие тени. Выходит, несладко им, Ангелам, живется на том свете.

– Аля... Ты здесь?

– Да, я здесь, любимый.

Она здесь... Он открыл глаза и резко сел. Конечно, это был сон. Она снится ему каждую ночь. Каждый раз, когда он пытается забыться. Он и пьет затем, чтобы в бреду к нему опять явилась она. Почти бесплотная, сильно похудевшая, с огромными, несчастными глазами, с бледным лицом...

Она тоже тоскует. Их не имели права разлучать. На небе или на земле они с Алей все равно одно целое. Поэтому она вернулась к нему в его беспокойных снах.

– Какой кошмар!

Он вытирает со лба холодный пот. Ну вот, так и знал! Она опять исчезла! Не надо просыпаться.

– Не надо... – стонет он.

– Время лечит, Саша.

Это опять мама.

– Мы тебя не оставим. Все будет хорошо.

Разве ж можно так страдать? Неужели есть у человека такая сила, чтобы вынести все это? Господи, как же больно! Рука опять тянется к бутылке. Забыться...

– С ним надо что-то делать...

Опять мама. Кому она это говорит?

– Иначе мы его потеряем.

– Но что? Что можно сделать?

– Надо показать его специалисту.

Кого она к нему притащила? Врача? Нет уж, дудки! Это не поможет! К черту врачей! Дайте же мне умереть!

– Я вчера была в церкви, Саша. Я молилась.

– Ты молилась?

Ему хочется смеяться. Его мама молилась! Она всегда жила разумом, а не чувствами. Она говорила: единственное, во что верит, это в скальпель хирурга. Что все психотерапевты шарлатаны. Она молилась! Видать, совсем дело плохо.

– Ты должен бороться, Саша.

– Я не хочу жить.

– Ты должен.

Кто вытащит его с того света?

– Брось пить.

– Я не могу.

– А что дальше? Наркотики?

– А это быстро убивает? – жадно спрашивает он.

– Очень быстро.

– Отлично!

– Что ты такое говоришь, Саша?!

– Но я не хочу жить.

– Ты должен.

– А я не хочу! – капризничает он совсем как ребенок.

И его на время оставляют в покое.

Наутро у него похмелье. И он идет за пивом. Денег нет. Их теперь никогда нет. Работы ведь нет. Но на бутылку пива он наскреб. Кассирша, молоденькая пышногрудая девушка, смотрит на него с сочувствием. Плевать!

Это его наказание, его ад. Он возвращается домой, ни на кого не глядя, прижимая к себе, как родную, бутылку пива. Это все, что у него осталось после того, как умерла Аля.

Посланник ада

Голова невыносимо болит, во рту сухо, язык ворочается с трудом. Он жадно открывает бутылку и – вот незадача! Пышной шапкой из нее вываливается пена! А он и не заметил, что на улице жара! Пиво оказалось теплое, и добрая его часть теперь на столе, а пена из горлышка все лезет и лезет.

– Вот черт!

– Апч-хи!

– Кто это? – вздрагивает он.

– Вы, кажется, меня звали, молодой человек?

– Никого я не звал!

– Вы помянули черта.

– А вы что, он самый и есть?

Алекс с сомнением смотрит на маленького лысого старичка с жиденькой бороденкой, одетого в грязный халат, щедро расшитый затейливым восточным узором. Золотое шитье потускнело от времени, нитки местами вылезли. Старичок и сам не первой свежести и уж никак не похож на черта. Нет ни рогов на лысой, как коленка, голове, хвоста и копыт тоже не наблюдается. Хотя гость висит в воздухе в виде туманного облачка, что, согласитесь, не совсем обычно. Но для черта слабовато.

– Апч-хи! Я не черт, я джинн, – важно говорит лысый, приземляясь на табурет, и, объявив свой статус, принимает

четкие очертания.

– Джинн из пивной бутылки? Очень остроумно!

– А как изволите к вам явиться, юноша, если вы, кроме водки и пива, ничего не употребляете? – сердится гость. – Приходится использовать тару, которая имеется в наличии. Я бы тоже предпочел шампанское. Благородный напиток, – старичок сладко причмокнул. – Или, по старинке, медную лампу. Э, да что там! Молодежь продвинутая пошла. Из банки пепси приходится нынче являться! Из энергетика! А это, юноша, я вам доложу, редкая гадость!

– А надо являться?

– А как еще прикажете вас спасти?

– Я все понял: у меня глюки. Допился, называется! Я сейчас приму душ, выйду на балкон, минут пять подышу свежим воздухом, а когда вернусь, комната будет пуста.

– Вы, конечно, можете все это проделать, молодой человек, – голос у старичка ехидный, – но только время зря потеряете. Не лучше ли делом заняться?

– Делом? Каким делом?

– Ну как же, сладкий мой? А три желания, согласно преискуранту?

– Ах, у меня есть три желания?

– Согласно преискуранту, – строго говорит джинн. – Итак?

– Я хочу Алю!

– Неправильная формулировка.

– Ты джинн?

– Джинн.

– Три желания мне положены?

– Положены, не отрицаю.

– Я хочу, чтобы ко мне вернулась моя невеста! Живая и здоровая!

– Видите ли, молодой человек, – джинн тяжело вздыхает. – Есть некие ограничения, о которых вы и сами прекрасно знаете. Джинны не могут оживлять мертвецов.

– Да, где-то я об этом уже слышал.

– По телевизору. Это знает каждый ребенок.

– Тогда катись отсюда!

Он вскакивает и пытается схватить старичка, чтобы выпихнуть его за дверь. Но его руки бессильно хватают воздух, лысый с вовсе не свойственным его почтенному возрасту проворством перемещается в другой конец комнаты.

– Ничего не выйдет, – материализовавшись в темном углу и сердито сверкая оттуда глазами, говорит джинн. – Пока три ваших желания не будут исполнены, я никуда не денусь.

– Ах вот как... – Алекс смотрит на пивную лужу, разлившуюся вокруг пустой бутылки. – Я хочу ящик пива.

– Вы бы хорошенько подумали, молодой человек. Желаний всего три.

– Ты слышал, что я сказал? Ящик пива!

– Делов-то, – ворчит джинн и плетется к двери. – Сейчас схожу в магазин.

– Э-э-э, постой!

– Ну, чего еще? – недовольно смотрит на него гость, задержавшись в дверях.

– А разве ты не должен щелкнуть пальцами? Выдернуть волосок из бороды? Произнести заклинание?

Джинн испуганно хватается за тощую бородавку:

– Чего-чего?

– Я говорю, какое же это волшебство, в магазин за пивом сходить?

– Пива вы, молодой человек, сами пожелали. А что касается волшебства... Материализация предметов пользования есть сложный метафизический процесс, ничто не исчезает бесследно и не появляется ниоткуда. Придется расщеплять молекулы на атомы в одном месте, потом заниматься воссозданием оных уже в другом, а между делом как-то перемещать всю эту чепуху в пространстве. Да чтобы еще и вкус сохранился, и градус не пропал. Была охота мне этим заниматься, если магазин в двух шагах?

– Принимается. И что, ты в таком виде туда пойдешь? – он с сомнением смотрит на лысого.

– А что со мной не так? – джинн оглаживает потрепанный халат.

– Засиделся ты в бутылке, почтенный. Хочешь, чтобы на тебя все показывали пальцем? До первого мента ты дойдешь, не дальше. Ты же по виду типичный бомж! Да к тому же лицо кавказской национальности!

– Я араб! – обиделся джинн. – Натурализовавшийся в городе Москве.

– А я что говорю? У нас в Москве арабов пруд пруди, явление типичное. И все, как один, в шлепанцах и грязных халатах совершают променады по Тверской.

– А что я, по-вашему, должен сделать, юноша, чтобы на меня не показывали пальцем?

– Принять человеческий облик.

– И какой облик вам желательно наблюдать?

«Аля!» – чуть не крикнул он, но вовремя спохватился. Нет, такая Аля ему не нужна. Но постоянно видеть это... существо? Лысого старика в шлепанцах с длинными загнутыми носами и в грязном халате? Для истрепанных стрессом и беспробудным пьянством нервов это слишком.

Он кидается к шкафу и торопливо ищет в его пыльных недрах фотоальбом.

– Вот! – альбом лихо приземляется на стол рядом с пивной лужей.

– И... кто?

– Этот, – он тычет пальцем в улыбающееся Женькино лицо.

– Хм-м...

– Что, не нравится?

– Почему не нравится? Смазливый отрок, – джинн с приторной улыбкой на устах оглаживает жидкую бородавку.

Орлов и впрямь недурен собой, и в Женькиных глазах,

бронзовых, тигриных, есть некая чертовщинка.

– Вот и действуй.

Щелчок длинных желтых пальцев с загнутыми, давно не стриженными ногтями – и перед ним стоит улыбающийся Женька! В джинсах и футболке, точь-в-точь как на фото!

– Можем, значит? Материализация-то, выходит, не такая уж большая проблема? А чего ж ты мне тогда мозги парил, почтенный?

– Так для себя ж, не для кого-нибудь, – нагло, совсем как Женька, улыбается джинн.

– Может, теперь и за пивом ходить не надо?

– Надо, – вздыхает Женька-джинн и идет к двери.

Бу-бух! Да джинн не только Женькину внешность подтибрил, но еще и его привычки! С другой стороны, это ведь неплохо? Если к нему каждый день будет шататься лысый дед в халате и шлепанцах, соседи подумают: Туманов стал сектантом. А это гуру, его идейный вдохновитель. Они, пожалуй, вызовут милицию или потребуют пригласить и их на шабаш. А то, что к нему каждый день ходит лучший друг, а иногда и остается ночевать, вполне нормально. Даже более чем нормально!

– Что, Женя вернулся? – будут спрашивать у него.

– Да. Вернулся, – ответит он.

И все. И никаких вопросов.

– Уф!

Туманов идет в прихожую, включает свет и смотрит на

себя в зеркало. Что-то не так. Но что?

– Я сошел с ума, – вслух говорит он и пытается себя ущипнуть. – Ой!

Больно. Ему больно, значит, все в порядке. Это не сон и не бред. Но это же черт знает что такое! Он понимает: с ним что-то не так, но не может объяснить что именно.

У него раздвоение личности? Шизофрения? Чушь! Какого черта ему раздваиваться в лысого старика! Или в Женьку! Зачем, если есть Женька живой, настоящий, стоит только набрать телефонный номер, и через пару-тройку гудков услышишь его голос. Нет, это не шизофрения. Белая горячка? Похоже, но не она. Не так уж долго он пьет, а до несчастья, случившегося с Алей, не употреблял вообще. Для «белочки» рановато. Известно одно: это состояние прежде ему незнакомое. Он в таком еще ни разу не был. А в каком таком?

У него есть время побыть одному и обо всем подумать, пока джинн... то есть Женька, ходит за пивом. А если принять правила игры? Как далеко это может зайти?

Принять правила игры. Тогда есть шанс увидеть свет в конце тоннеля. Или не увидеть. Но ведь шанс есть! Это нужно сделать ради Али. Надо напрячься...

Бу-бух! Дверь с грохотом отлетает к стене. Женька стоит на пороге, в одной руке огромная сумка, доверху наполненная банками с пивом, а в другой – ящик от него же.

– Ящик-то зачем? – бурчит Алекс.

– Ты как сказал? Ящик пива. Или я ослышался?

– Нет, не ослышался. Но я имел в виду количество. И не баночное, а в бутылках.

– Я так и знал! – сердится Женька-джинн. – Не в первый раз меня кидают. Так мне и надо, лошаре! – он бросает ящик на пол и хлопает себя по лбу. – Сколько раз давал зарок: желания принимать только в письменном виде! Чтобы можно было подать на апелляцию! А так попробуй докажи, кто из нас прав? Что, будем торговаться?

– Скажи честно: ты можешь вернуть мне Алю?

– Нет, не могу. Поэтому бери пиво, – Женька пытается всучить ему набитую банками сумку.

– Ладно, давай.

Алекс берет сумку и идет на кухню.

– И что, все? – удивленно говорит его спине Женька.

– Ты о чем?

– Э-э-э, постой...

И как у него это получается? Женька уже материализовался на кухне! По своей дурацкой привычке раскачивается на табурете и хамит:

– Лошара не я, а ты. Если в законе есть дыра, то надо в нее лезть. Вот и лезь!

– Чего ты от меня хочешь? – устало спрашивает Туманов, опуская на пол тяжелую сумку.

– Ты разве не будешь пытаться оспорить свое желание? Ведь я и в самом деле не уточнил, в банках или в бутылках тебе требуется пиво? Холодное или теплое? Так что ты мо-

жешь оспорить.

– Отвяжись от меня! – злится он. – Я больше не хочу тебя видеть! Поэтому я сейчас...

– Стоп-стоп-стоп! Я знаю, что ты хочешь сделать. Загадать еще один ящик пива или водки, поставить галочку в графе «все три желания выполнены» и опять погрузиться в свое свинское состояние. Теперь уже навсегда. Но ведь у тебя есть шанс, понимаешь? У тебя. Есть. Шанс.

– Ты сам сказал, что Алю нельзя оживить.

– Я так сказал? – удивляется Женька.

– Ну да. Я же не глухой.

– Да, я так сказал. Но ты должен верить в себя. Поэтому подумай. Я даю тебе сутки. Кстати, ящик пива не считается.

– Ты серьезно?

– Я тебя прощаю. У тебя по-прежнему есть три желания.

– Постой... Насколько я тебя знаю, ты ничего не делаешь просто так. Что ты задумал?

– Кого ты имеешь в виду?

И в самом деле, кого? К кому он сейчас обращается?

– У тебя ровно сутки, – говорит Женька-джинн. – Если ты не передумаешь, я поставлю перед тобой всю выпивку, какую ты только пожелаешь, и исчезну. И ты получишь то, что хочешь.

– Смерть?

– Да, – лицо у Женьки серьезное.

– И я соединюсь с Алей на том свете?

– Когда-нибудь, возможно.

– Но ведь если люди любят друг друга, разве после смерти они не становятся одним целым?

– Не забывай, что она ангел. А ты... – Женька смотрит на него с сомнением.

– Да, признаю, я грешен.

– И очень грешен, сладкий мой.

– Женщины не в счет, все они были до нее, – торопливо говорит Алекс.

– А все остальное? Ты занимался бизнесом, не забудь.

– Что, и это считается?!

– А как же! – в руках у Женьки появляются счета. Обычные канцелярские счета, допотопный инструмент сведения балансов. Теперь Туманов верит, что это джинн. Притащить в дом такое старье! – Что, сладкий мой, прикинем? Начнем сначала. С «Газели». С водителя, которого мы наняли и которому мы... Дальше продолжать? – выждав паузу, Женька щелкает черной костяшкой: – Которому мы не заплатили. Раз!

– Убери, – тихо говорит Алекс.

– Я просто открыл счет твоим грехам. И это не считая женщин! Ну что, сладкий мой? Куда мы тебя отправим после смерти? В рай? А не жирно тебе будет? Одной Алей не спасешься.

– Значит, у меня нет выхода? Мне надо идти туда, куда зовешь меня ты. Я знаю, ты только прикидываешься моим

другом. У тебя есть свой корыстный интерес. Но что это за интерес?

– Вот и думай. До завтра.

И Женька исчезает.

– Невозможно... – стонет Алекс, обхватив руками голову.

Его взгляд натывается на сумку с пивом. Бред какой-то.

Рука сама тянется к банке.

– Не пей!

– Что такое?

– Не пей, козленочком станешь!

Женька хитро подмигивает ему из блестящего, как солнце, никелированного чайника.

– Ты же ушел!

– Я не могу уйти совсем.

– Сгинь!

Он включает чайник, чтобы отвязаться от наглого джина. Да, лучше уж выпить чайку. Пора завязывать с беспробудным пьянством. За эти сутки надо принять решение. Что делать с тремя положенными желаниями? Как вернуть Алю? Следующий день будет решающим, он это чувствует. И голова должна быть ясной.

Падший ангел

Наутро Алекс решает прогуляться. Голова и в самом деле ясная, погода хорошая, птички поют, солнышко светит. Лето же! Наконец-то оно пришло. В его душе нет радости, просто констатация факта: настало лето. Листва на деревьях из клейкой стала матовой, над газонами повис терпкий запах свежескошенной травы, а васильковый ситец неба, застиранный обильными майскими ливнями, окончательно выцвел от палящих лучей июньского солнца.

В такую погоду легко влюбиться, потому что девушки, все как одна, – хорошенькие. В году не так-то много теплых, солнечных дней, и у девушек на счету каждый. И все они надели сегодня лучшие платья, самые модные джинсы, футболки и босоножки, яркие украшения, и Москва превратилась в один огромный цветник. Над каждой лилией или незабудкой кружится яркая бабочка. Просто глаза разбегаются! А они... Они смотрят на него из-за стекол своих огромных солнцезащитных очков, все эти бабочки-стрекозы: какова я? Хороша? Алекс знает, что они смотрят.

Но ему все равно. Его единственная покинула этот мир навсегда, и он глубоко несчастен. Он равнодушен к женской красоте, он стал стариком в свои тридцать лет и бредет по улице, купающейся в солнечных лучах, едва переставляя ноги. Ему не холодно и не жарко. Ему никак.

Проходит час, два. Что-то случилось за это время, он куда-то ехал. Густой запах машинного масла подсказал, что ехал на метро. Но зачем? А главное, куда?

«Где я? Как меня сюда занесло?» – удивленно оглядывается он. Четыре высоченные мачты с гнездами для многочисленных фонарей подсказывают ему, что это стадион «Динамо», следовательно, метро с одноименным названием. Район малознакомый, узкие горлышки улиц заткнуты вечными пробками, на проспекте та же пробка, и в Москву и в область, так что все тонет в сизом дыме, выдыхаемом сотнями надрывно работающих моторов. Делать ему здесь нечего, он машинально переходит дорогу и бредет дальше. Его взгляд равнодушно скользит по лицам прохожих, он бредет в глубь дворов, облагороженных пыльной городской зеленью, подальше от главной дороги, от метро, и вдруг...

Нет, этого не может быть! Или может? О чудо! Он видит Алю! Живую, здоровую, хотя и сильно похудевшую и побледневшую, с несчастным лицом и тоскующим взглядом. У нее вид, как после тяжелой болезни. Еще бы! Ведь она умерла!

Она умерла и... выздоровела. Выздоровела от смерти. Этого не может быть, но тем не менее.

– Аля, – окликает он. Голос хриплый, во рту пересохло, и ему приходится повторить: – Аля!

– Здравствуйте, – она останавливается и смотрит на него так, словно не узнает.

Она всем говорит «вы». Да, это она, теперь у него нет никаких сомнений. Он снимает солнцезащитные очки, которые, возможно, и сбили ее с толку.

– Как ты... – У него на языке вертится тысяча вопросов, и он задает первый попавшийся: – Как ты здесь оказалась?

– Извините... Мы разве знакомы?

Она его не узнает! Она! Его! Не! Узнает! На том свете что, теряют память? Ну, так он ей сейчас напомним.

– Аля, – он хватается ее за руку.

– Вы что?! Отпустите! – она пытается вырвать руку.

– Аля, это я!

– Маньяк! Милиция! Помогите!

Это уже мало похоже на Алю, и он тут же отпускает ее руку.

– Девушка... – язык с трудом его слушается. – Я ничего вам не сделаю, клянусь! Не бойтесь меня.

– Я и не боюсь, – она немного приходит в себя и смотрит на него с интересом. – Вы меня с кем-то перепутали, да?

– Дело в том, что моя девушка... – Ну же! Возьми себя в руки! – Невеста. Она... Она погибла в автокатастрофе.

– Ах вот в чем дело!

– И вы на нее очень похожи.

Господи! Да это же ты, Аля! Почему ты так себя ведешь?

– Мне жаль.

– Вас ведь Ангелиной зовут?

– Алиной.

– Вы шутите?

– Почему? – она, кажется, обиделась. – Ангелина это ведь старомодно, да? Какое пышное и смешное имя: Ангелина!

– Я так не думаю. По-моему, прекрасное.

– Я Алина.

– Бред какой-то! – бормочет он, пытаясь избавиться от наваждения.

– Что вы сказали?

– Нет, ничего. Вы куда сейчас идете?

– Я? К метро. Погода хорошая, вот я и решила прогуляться.

– Можно я вас провожу?

– Но только до метро.

Какая строгая девушка! Еще бы! Ведь он ей неинтересен. Он, напрягшись, пытается взглянуть на себя глазами Алины. Плохо одет, небрит, да еще и нахал. Налицо завышенная самооценка и полное отсутствие денег. Его карманы и в самом деле пусты. А она...

Она хорошенькая. Очень хорошенькая. Роста чуть выше среднего, худенькая, с большой высокой грудью. Аля всегда шутила, что это счастье, когда жир откладывается в нужном месте. Ее грудь – предмет его гордости. Был. У нее голубые глаза. Большие. Очень большие. Тонкое лицо и пышные темно-русые волосы.

Волосы... Вот что ее так изменило! Она же постриглась! А какая была коса!

– Давно ты постриглась?

– Мы разве уже на «ты»?

– Нет, я так не могу... – стонет он. – Мне надо проснуться.

– Я поняла. Вы – сумасшедший. Я понимаю, что у вас горе, но, пожалуйста, оставьте меня в покое!

– Вы же обещали: до метро.

– Пока не знала, что передо мной сумасшедший.

– Я больше не буду. Лишь разрешите мне еще немного побыть рядом с вами.

– Только в память о вашей невесте.

Она и не она. Просто наваждение! Какое-то время они с Алиной идут рядом. Он пытается разобраться в своих чувствах. С одной стороны, люди не могут быть так похожи. Но с другой, почему бы и нет? У его любимой девушки на земле остался двойник, возможно, что Ангелина с Алиной состоят в дальнем родстве.

Вот о чем вчера говорил Женька! Он знал! Знал о том, что на земле есть вторая Аля! И ее зовут Алиной! Возможно, Женька-джинн и устроил им эту встречу! Какой же гад!

– Метро через дорогу, – строго говорит Алина. – Мы пришли.

– Как? Уже?

– Если вы не отстанете от меня, я позову милиционера.

– У вас тоже что-то случилось? – догадался он.

– Это вас не касается.

– Вы живете с мамой. И братом, – он изо всех сил пытается-

ся произвести на девушку впечатление, лишь бы она не исчезла. – Хотите, я все про вас расскажу? Я маг. Экстрасенс. По лицу угадываю прошлое.

– Вы уже не угадали! Я живу одна!

Она первой шагает на зебру, после того как им подмигнул зеленый светофор. Он бросается за Алиной.

– Девушка, постойте!

– Отстаньте от меня!

– Дайте мне ваш номер телефона, умоляю!

– Нет.

– Девушка...

– Вы обещали: до метро.

Он уже понял, что если будет ее преследовать, то потеряет навсегда. А если не будет, то тоже потеряет. Возможно, навсегда. Выбор невелик, и в обоих случаях не в его пользу. Поэтому он молча стоит и смотрит, как она исчезает за стеклянными дверями метро.

Вот и все. Она ушла. Опять. И тогда он отчаянно кричит, не обращая внимания на прохожих:

– Джинн! Джинн!

– Что ты орешь?

Женька стоит рядом и преспокойно уминает хот-дог. Вообще-то он эстет, его лучший друг, и прекрасно разбирается в тонкостях французской кухни и коллекционных винах. Но когда его никто не видит, охотно лопают хот-доги и чизбургеры. Вот как сейчас.

- Джинн, мое первое желание: я хочу номер ее телефона!
- Дурак.

Женька, вздохнув, вытирает салфеткой масляные пальцы и швыряет ее в урну.

– Идем, Ал, я отвезу тебя домой.

– Как ты меня назвал?!

– Сократил твое македонское имя до первых двух букв.

Не думаю, что ты в обиде.

– Почему я дурак?

– Я тебе в машине скажу. Идем.

– Откуда у тебя машина? – спрашивает Александр, идя следом за Женькой.

– Точно: дурак.

Это не просто машина. Это... Твою мать! Туманов с удивлением смотрит на новенькую спортивную тачку, о которой всю жизнь мечтал, но позволить себе не мог.

– Давай, садись, – Женька гостеприимно распахивает перед ним дверцу, а сам лезет на водительское место.

– Значит, для себя любимого ничего не жалко? – ехидно спрашивает Алекс.

– Угадал, – вздыхает Женька. И скромно добавляет: – Конечно, пришлось потрудиться...

– Еще бы! Перемещать в пространстве такую грудку металла! Небось часа три пыхтел?

– Не язви. Ты бы тоже мог пожелать машину.

– Нет уж, спасибо! Я хочу номер ее телефона.

– Пожалуйста, – Женька протягивает ему листок, на котором одиннадцать заветных цифр. Номер ее мобильного. – Только это ничего не даст.

– Что ты знаешь? – Алекс жадно хватается листок.

– Я не буду считать это за желание. Это всего лишь информация. Ты бы и сам мог ее получить, если бы не был так влюблен. Твои мозги затуманены, и грех этим пользоваться.

– С чего ты такой добренький?

– Я всего-навсего твой верный слуга, о мой господин. Куда едем?

– Ты же сам сказал: домой.

– А может быть, пообедаем? В хорошем ресторане, а? С хорошим вином, – Женька сладко причмокивает. – За мой счет.

– Меня в таком виде в ресторан не пустят.

– Да брось! Со мной тебе будут рады везде! Ну что, едем?

Ах, какая машина! Жаль, что пробки. Прокатиться бы с ветерком на такой зверюге! Это же леопард! Самый быстрый зверь семейства автомобилей подвида «простым смертным не по карману»! Не едет, а летит!

– Сейчас организуем, – улыбается Женька.

И о чудо! Пробки больше нет! И все гаишники куда-то подевались. Они летят по крайней полосе, и все тачки испуганно уступают им дорогу. От бешеной скорости закладывает уши, совсем как в самолете, когда он разбегаются по взлетной полосе и начинает набирать высоту. Они летят...

– Хорошо? – улыбается Женька.

– Не знаю.

– Хорошо ведь?

– Если бы еще рядом была она...

Женька мрачнеет и сбрасывает скорость.

– Какой же ты зануда, – морщится джинн, принявший облик его друга. – Никогда у меня не было такого мрачного хозяина.

– Кто эта девушка?

– А тебе не все равно?

– Это не она? Не Аля?

– Она и не она, – загадочно говорит Женька. – Сразу скажу: бесполезно напоминать ей о прошлом. Считай, что у вас его не было.

– И что же мне делать?

– Добиваться ее, – сердито говорит Орлов.

– Но она и так моя!

– Уже нет.

– Я ничего не понимаю!

– А я не могу тебе объяснить. Есть вещи, против которых даже джинны бессильны.

– Например, смерть?

– Она, – кивает Женька.

– Значит, все сначала?

– А что тебя так напрягает? Разве ты не молод? Не хорош собой? Правда, ты беден, – вкрадчиво говорит джинн. – Но

ведь это не проблема. У тебя все еще есть твои желания.

– Раньше она любила меня просто так.

– То было раньше! Она женщина, мой друг, обычная женщина. Подари ей весь мир – и она твоя. Кто знает? Может быть, эта Аля даже лучше той?

– А твой какой интерес? – подозрительно спрашивает Алекс.

– Я просто служу своему господину, – скромно говорит Женька. – Это моя работа.

– Не верю! Джинны только в сказках добрые.

– А много ты их встречал в реальности?

– Вообще не встречал. Ты первый.

– Ну вот. А выводы делаешь. Гляди! Вот он, наш ресторан!

Что тут сказать? Приятное местечко. Здесь все шикарно. По высшему разряду. У двери стоит швейцар в парадной ливрее, а за зеркальными окнами спряталась тайна, зато оттуда, из зала ресторана, прекрасно видно все и всех. Те, что сидят там, избранные. Они боги. Ну, почти боги. Это их кулинарный олимп, заоблачные цены в меню и вино по цене амброзии. Они пьют его в надежде жить вечно.

Он неуверенно смотрит на свои старые кроссовки:

– Здесь наверняка дресс-код. Меня не пустят.

– Кто посмеет тебя не впустить, о мой господин?

– Неужели ты материализуешь мне костюм? И пару ботинок из крокодиловой кожи? Галстук не забудь.

– Ты, как всегда, все усложняешь, – морщится Жень-

ка. – Идем.

Первый уровень, швейцара, они проходит, используя всего один патрон, тысячную купюру. Зато на втором их встречает метрдотель, важный, как герцог с фамильного портрета. Этот портрет, не меняя выражения лица, выходит из своей рамы и задает сакраментальный вопрос:

– Что вам угодно, молодые люди?

Этот уровень пройти не просто, придется оставить одну жизнь. А если она всего одна? Ну что, Орлов? Доставай из кармана свое волшебство!

Женька, нагнувшись – он, кстати, высок ростом – шепчет что-то на ухо метрдотелю, и у того мигом меняется выражение лица. Теперь он сама любезность.

– Ах, вот оно что! Милости прошу, господа! Мы мигом все организуем! Прощу! Лучший столик! У окна!

– Что ты ему сказал? – интересуется Алекс, усаживаясь за обещанный столик. А ведь и в самом деле – лучший!

– Могут у меня быть свои секреты? – улыбается Женька.

– Это волшебство или...

– Или. Не беспокойся: тебя будут обслуживать как короля.

– Значит, твои карманы набиты деньгами?

– Угадал.

– Джинны что, богатые?

– Они богаты, пока богат их господин.

– Но у меня ничего нет!

– Значит, это аванс.

– Ты взял деньги авансом? Под меня?

– Считай, что ты мое предприятие. Да, у меня был выбор, – важно говорит Женька, открывая меню. – И я выбрал тебя.

– Вы что, перешли на самоокупаемость? – шутит он. – Артель джиннов, представляю себе! Письменные претензии по невыполнимым желаниям, апелляция на неудавшееся волшебство, брак в материализации объектов пользования.

– В век современных технологий и нам, волшебникам, приходится меняться.

– Зачем я тебе?

– Сам по себе я ничто. Миф! Сказка! А вот рядом с тобой я обретаю плоть и кровь. И даже поем с аппетитом. Ну? Что будем заказывать?

Алекс, причмокивая, листает меню. Это не салаты, а сонеты! А поэма «Горячие блюда» достойна быть опубликованной в высокой печати. Когда-то, в тучные времена, в период их с Женькой краткого процветания, он все эти яства ел, но теперь ему кажется, что это было в какой-то другой жизни.

– Седло барашка. М-м-м... Паровая стерлядь под соусом из трюфелей... Медальоны из телятины... А на закуску...

– Пармскую ветчину с дыней? – подмигивает Женька.

– Ты знаешь, что я ее люблю?!

– Я тебя хорошо изучил, прежде чем взяться за эту работу.

– Тогда действуй!

Через каких-нибудь пять минут стол, за которым они си-

дят, уставлен всевозможными яствами. В бокалах томится в ожидании их приговора рубиновое вино, манит ледяная минералка в запотевшей бутылке. Алексу и в самом деле хочется пить, и рука невольно тянется к стакану с водой. Женька с улыбкой берет бокал с вином и делает маленький глоток.

– Недурно, а?

– Джинны пьют за рулем, потому что не пьянеют? Или ты способен разложить на молекулы любого мента, который тебя остановит?

– Почти угадал! Я пью, потому что машину поведешь ты. Ну? За наш совместный бизнес?

– Стоп! Я не понял. Какой такой бизнес?

Это ловушка. Остановись, Туманов! Он тебя сейчас делает! Под паровую стерлядь, залив соусом из трюфелей.

– Ты же почти согласился. Осталось уладить формальности, – вкрадчиво говорит Женька.

– Значит, это деловая встреча?

– Опять угадал!

– И что от меня требуется?

– Простое согласие.

– Согласие на что?

– Не тупи. Ты хочешь получить эту девушку?

– Допустим, хочу.

– Тогда мы будем делать из тебя принца. Каждая девушка мечтает выйти замуж за олигарха.

– Как банально!

– Зато действительно. Выпьем за это!

Он вспоминает, как смотрела на него Алина. С пренебрежением. Возможно, потому, что она приняла его за сумасшедшего. За парня с пустым кошельком. А сумасшедший парень с пустым кошельком разве кому-то интересен? Его Аля была другой. Она была доброй. А эта злая. Нужна ли ему такая девушка?

– Она так молода, – глаза у Женьки печальные. – Так неопытна. В ее крови бродит хмель неутоленных желаний. Из этого может получиться хорошее, крепкое вино. Вино высшего качества. Ты можешь сделать эту женщину какой захочешь. Но начать надо с малого. С денег, которых у тебя нет.

– Хорошо. Согласен, – решается Алекс.

Ух! Как в ледяную прорубь из раскаленной баньки!

– Итак, твое первое желание?

– Хочу стать богатым!

– Принимается. Подробности уточнять не будем.

Первая ступенька в небо

– И... как, это все? – он беспомощно оглядывается, потом лезет в карман: не появились ли там деньги?

– Ты слишком прост, друг мой, – Женька уже смотрит на него как на свою собственность. – Такой метод ведения дел давно устарел. Купюры, которые сыплются с неба, – пошлость.

– Зато впечатляет.

– А это?

Женька щелкает пальцами, и к ним на полусогнутых спешит какой-то важный господин.

– Александр Игоревич! Как вам у нас, то есть у вас, понравилось?

– Вы кто?

– Директор! Я директор этого ресторана! Назначенный еще вашим дядей, ныне, увы, покойным! Примите мои соболезнования, уважаемый Александр Игоревич!

– У меня что, был дядя? – он удивленно смотрит на Женьку.

– У всех нас есть родственники, которые, увы, умирают, – тот возводит полные скорби очи к небу. – У меня тоже есть дядя. Слава богу, жив-здоров. Зараза, – беззлобно добавляет Женька. – Да и толку-то с него? Прогнившая медная лампа, однокомнатная квартира с совмещенным санузелом.

Вот у тебя, я понимаю, дядя!

– Почему я раньше ничего не знал о наследстве?

– Пока люди здоровы и богаты, им нет дела до бедных родственников. Да и дядя-то он так себе, троюродный. Но оказалось, что, кроме тебя, у него нет наследников! И буквально за неделю до своей внезапной смерти от обширного инфаркта он составил в твою пользу завещание. Все движимое, недвижимое, но в основном движимое, как этот самый ресторан...

– Так это что, теперь мой ресторан?!

– Совершенно верно, мой свежеиспеченный миллионер!

– Я надеюсь, долларовый?

– А как же! Мы, джинны, работаем только в твердой валюте. Да я бы себя не уважал, если бы подсунил тебе наследство в рублях! – ударил кулаком в грудь Женька.

– Так какие будут ваши распоряжения, Александр Игоревич? – голос управляющего сладок, как мед.

– Ну, не знаю... Мне надо осмотреться, – важно говорит Александр, окидывая зал уже взглядом собственника. – Я имел дело с ресторанным бизнесом, но не в таких масштабах. А много их у меня, этих ресторанов?

– Три, – в руках у Женьки появляются те самые допотопные счета. – В Москве, – добавляет Орлов, перекидывая вправо три черных костяшки. – И два в Петербурге. А также, – еще несколько щелчков: – Екатеринбург, Самара, Саратов. Ростов-на Дону, само собой, Краснодар.

– Солидная география!

– Я еще не закончил, – говорит Женька. – У тебя есть торговые центры. Пять. Один в Москве.

– Огласите все города!

– Я лучше представлю полный список, сладкий мой. Чтобы ты мог перечитывать его в моменты, когда на тебя накатит грусть. Что при таких деньгах сомнительно.

– Это же целая империя! И как ею управлять?

– Через доверенных лиц, – Женька переглядывается с директором. – Через верных тебе людей.

– И преданных, – эхом откликается тот.

– И где взять таких людей?

Они сопят. Они обижены. «А мы?» – говорят их красно-речивые взгляды.

– Поскольку тебя, мой друг, сейчас больше занимают дела сердечные, я готов прийти на помощь, – улыбается Женька. – И он, – кивок в сторону директора ресторана, – тоже. Мы все готовы.

Через открытую дверь Алекс видит просторный холл, а в нем выстроившийся в две шеренги персонал. Все ему улыбаются. Все счастливы. Его глаза тоже влажны от избытка чувств. О, как все его любят!

– Согласен!

– Тогда подпиши, – с ловкостью фокусника Женька выхватывает из черной папки, невесть откуда появившейся в его руке, листок с отпечатанным на нем текстом.

– Что это?

– Доверенность.

– На кого?

– На меня, – Женькин взгляд наивен и честен.

– Разве я могу подписывать доверенность без нотариуса?

– Не может! Конечно, не может! – хором поют сотрудники в холле, а громче всех директор ресторана. У него, кстати, приятный баритон.

– Дамы и господа! По вашим многочисленным просьбам! Нотариусы! – Женька щелкает пальцами, и в дверях появляются двое в темных костюмах. – Все для тебя, мой господин!

Нотариусы на полусогнутых спешат к их столику. Ария на два голоса:

– Вы – наш лучший клиент!

– Подписывай, – улыбается Женька.

– На сколько лет доверенность? – деловито спрашивает Алекс, пытаясь выпутаться из раскинутой сети.

– На полгода. Пустяки!

– Но через полгода я...

– Ты всегда можешь ее отозвать.

– О'кей!

Он ставит под документом свою подпись, и Женька ловко подхватывает листок со словами:

– Господа, теперь все вопросы ко мне. Вы, – он смотрит на директора ресторана, и взгляд его меняется. Теперь он тигриный, хищный, точь-в-точь как у настоящего Женьки. – По-

ка остаетесь на своем рабочем месте.

– Благодарю вас, Евгений...

– Иванович. Работайте. И не забывайте, кому вы всем обязаны.

– Конечно, конечно!

– Вот ему, – Женька хлопает Алекса по плечу. – Он теперь наше все! Сла-авься, сла-авься, сла-авься, мудрый босс... А ну! Все! Хором!

– Сла-авься!!!

Туманов с удовольствием слушает гимн в свою честь. Черт возьми! Как, оказывается, приятно быть богатым!

– Ну, с формальностями покончено. Все свободны, – хлопает в ладоши Женька.

Директор ресторана, нотариусы и персонал исчезают, как по волшебству.

– Алина, – говорит Алекс, оставшись в пустом зале.

– Начнем с пустяка, – потирает руки Женька. – С меня. Ты не находишь, что жить вдвоем не совсем удобно?

– Вдвоем с тобой? Мы давно уже это не практиковали.

В их с Орловым жизни бывало всякое, студентами они снимали комнату, где года три жили вместе. И потом, когда прижало, сдавали его квартиру, а жили в Женькиной. Это было не слишком удобно из-за женщин, которых они ревновали друг к другу, но было ведь!

– Вот и не будем вспоминать прошлое, – вздыхает Женька, видимо, подумав о том же. – Я всегда к твоим услугам, в

любое время дня и ночи. Но жить мне хотелось бы отдельно.

– Имеешь право.

– Не возражаешь, если я приобрету на свое имя квартиру?

– На свое... Как ты сказал?

– У меня теперь есть имя, – важно говорит джинн. – Евгений Иванович.

– Ты и фамилию его возьмешь?

– Разумеется! Орлов!

– А документы?

– Чепуха!

– Согласен. Документы не проблема, были бы деньги. А если объявится владелец? Настоящий Орлов?

– Боюсь, что нет.

– Он что... умер?

– Что-то вроде того.

– Ерунда! Я бы знал!

При мысли о Женькиной смерти ему делается грустно. Все ж таки они были друзьями. Вместе росли, играли в одном дворе, лепили кулича в одной песочнице, в детском саду сидели на соседних горшках, потом за одной партой в школе. Влюбились в одну девушку, когда время пришло, и оба ее бросили, когда опять-таки пришло время. Не говоря уже о десяти годах делового партнерства. Эх, да что там вспоминать! Никакой джинн Женьку не заменит!

– Ал, не стоит. – Ба! «Орлов» словно мысли его читает! – Он недостойн тебя. Я теперь твой друг. Твое надежное пле-

чо. Доверь мне все свои тайны, – вкрадчиво говорит джинн.
Пардон, Евгений Иванович.

– Но у меня нет тайн.

– Ошибаешься. Есть. Скажи мне, как ты покориł ее сердце?

– Кого? Али?

– Ну да. Ведь здесь есть какая-то тайна?

– А зачем тебе это? – подозрительно спрашивает он. – Я думал, ты все знаешь про женщин.

– Про женщин да, – морщится Женька. – Но она – ангел. Я даже и не представляю, как к ней подступиться.

– Стоп-стоп-стоп... Мы так не договаривались. Ты обещал, что если я соглашусь на сделку с тобой, Алина будет моя. Так вот: это мое второе желание! Я хочу, чтобы она меня полюбила!

– Да, но есть некоторые ограничения. Джинны никого не могут заставить влюбиться. Если бы я это мог, я бы не...

– Что не? Договаривай!

– Тебе придется самому влюбить ее в себя. Но у тебя будет все. Все, что ты захочешь. И что она захочет. В средствах мы не ограничены. Можно начать с серенады. Завтра под ее окнами будет петь сам Лучано Паваротти.

– Он же давно покойник!

– Разве? Воскресим из мертвых! За такие-то деньги!

– А что потом?

– Потом... – короткий вздох. – Вилла на Лазурном берегу,

куда ее доставит твой личный самолет. Яхта, которая увезет ее в открытое море. Вместе с тобой, разумеется. И там, на бирюзовой волне, в лучах заката вы вновь обретете счастье, дети мои. – Женька даже прослезился от избытка чувств.

– Что ж. Цветы я могу ей послать?

– Цветы, цветы, цветы... Ну конечно! Как я мог забыть!

Я просто завалю ее квартиру цветами!

– Эй! Это я завалю!

– Ну конечно, ты!

– Тогда идем?

– Одна маленькая формальность...

– Что еще?

– Покупка моей квартиры за счет фирмы. Ты должен это одобрить.

– Тьфу! Я уж думал, что-то серьезное.

– Тогда подпиши!

И еще один листок ложится перед ним на стол, требуя его подписи. Алекс ставит ее уже не глядя, потому что торопится к Алине.

– Отлично!

Листок исчезает в черной, как ночь, папке.

– Карета ждет! Прошу!

– Поскольку я теперь богат, – говорит Алекс, садясь в Женькину машину, – я хочу такую же.

– Какой цвет изволите заказать?

– Такой же!

– То есть красный? – на всякий случай уточняет Женька.

– Красный!

– Завтра машина будет ждать у вашего подъезда, о повелитель!

– Кстати, насчет подъезда. Я же не могу привести ее в свою халупу.

– Раньше она ее вполне устраивала, – ехидно улыбается Женька.

– Ты же сам сказал, что это другая девушка.

– И какие апартаменты изволите пожелать?

– А где нынче живут олигархи?

– Везде! Но в основном в Лондоне.

– Я не хочу в Лондон. Пока.

– Разумеется, для Лондона рановато. Мы еще никого не убили, не ограбили. Даже такой пустяк, как уклонение от уплаты налогов и шпионаж в пользу иностранной державы, не входит в число наших грехов. Шучу. В Лондон, мой сладкий, ты еще успеешь. Особняк на Рублевке?

– Слишком далеко.

– Тогда квартира в центре?

– А где живет она?

– Она... – легкая заминка. – Снимает квартиру. У больницы.

– Ах да! Я вспомнил! В районе метро «Динамо» находится Боткинская больница! Кто-то из ее близких болен? Вот почему так печальны ее глаза!

– Но ты же сумеешь ее утешить?

– А оплатить лечение?

– Это само собой. Но главное отвлечь ее от печальных мыслей. Она, бедняжка, истосковалась по мужскому вниманию. Мы едем в цветочный магазин!

Все-таки приятно иметь собственного джинна, который к тому же успел возненавидеть московские пробки. Это даже не считается желанием, это норма жизни. Никто не препятствует их бешеной езде по принарядившейся по случаю лета в огромные яркие клумбы столице. Врал он все про материализацию, этот наглый джинн, не такой уж это долгий и утомительный процесс. Когда нужно Женьке, и заторы на дорогах, и тучи в небе исчезают в мгновение ока. Для них в Москве всегда хорошая погода и зеленый сигнал на всех ее светофорах. «Зеленая улица» – ловкий фокус. Алекс замечает, как Женька то и дело щелкает пальцами. Светофоры переключает, гад. Гаишники, должно быть, ошалели от его «чудес»! А меж тем они уже на проспекте Мира!

Магазин безумно дорогой. Это Алекс понимает, едва взглянув на ценники. Все как один букеты – эксклюзив, а девушка-менеджер вполне может работать моделью. Увидев их, она тут же меняется в лице, взгляд ее становится мечтательным.

О господи! Она же смотрит на Женьку! Алекс ловит в зеркале свое отражение и понимает причину. Рядом с Женькой Александр Игоревич Туманов, владелец заводов, газет,

пароходов, выглядит, мягко говоря, невыразительно в своих старых джинсах, майке-алкоголичке и выдавших виды кроссовках. А Орлов, мало того, что хорош собой, еще и одет в отличный костюм, идеально подстрижен, весь его вид – демонстрация успешности. И, разумеется, девица не могла не заметить, на какой машине они приехали. А за рулем был Женька. Опять обманул, сказав, что посадит его, Алекса, за руль.

– Эй, джинн, – дергает Туманов за рукав своего партнера. – Тебе не кажется, что мне пора переодеться?

– Ты господин, тебе можно все, – улыбается Орлов. – А вот преданный слуга не может себе позволить небрежности в одежде. Человека оценивают по тому, кто приносит ему кофе.

– Но я тоже хочу быть красивым!

– Еще одно ограничение, – кисло говорит Женька. – Джинны не могут изменять чью-то внешность.

– Замучил ты меня своими ограничениями! Кстати, об этом я что-то раньше не слышал. Может, огласишь весь список?

– Оглашу, когда время придет.

– Могу я вам помочь? – обращается к ним фотомodelь, улыбаясь во весь свой безупречный рот.

– Можете! – с энтузиазмом говорит Женька. – Мы хотели бы купить цветы!

– Все букеты наисвежайшие! Выбирайте! Или вам соста-

вить новый? Какие цветы желаете?

– Все!

– Все?

– Мы хотим много букетов!

– У вас что, гарем? – Она улыбается так, будто ее заветная мечта – стать в его гареме одной из наложниц. Женька, похоже, не против, но Алекс мигом пресекает попытку лучшего друга склеить продавщицу цветочного магазина:

– У нас одна-единственная. Ей просто долго не дарили цветов.

– Вашей избраннице повезло, – продавщица смотрит на него оценивающе. – Вы что, ухаживаете за одной девушкой?

– Это я ухаживаю. А он, – взгляд в сторону скупающего Женьки. – Он мой... э-э-э...

– Исполнительный директор, – тот слегка склоняет красивую голову с идеальным пробором. – Евгений Иванович Орлов.

– Очень приятно! Катя, – низким грудным голосом говорит она и поправляет бейдж на пышном бюсте. Женька смотрит в указанном направлении и еле заметно улыбается.

«Какой же ты дурак, Туманов, – мысленно проклиная себя Алекс. – Зачем ты выбрал Женькину фотографию? Мог бы ткнуть пальцем в какое-нибудь другое лицо. Орлов же убийственно действует на женщин! Правда, потом они уходят к тебе, но душевные качества гораздо труднее оценить, чем умение хорошо одеваться. На это требуется время».

– Евгений Иванович, – строго говорит он. – Займитесь делом. Надо отобрать цветы, достойные моей невесты, и обеспечить их доставку.

– Все сделаем! – рапортует Женька и уединяется с продащицей.

Пока они шушукаются у витрины с цветами, Алекс скучающе смотрит в окно. А там... Там чудесная погода, на небе ни облачка, на улицах города полный штиль. Фрегат Москва застыл, опустив паруса в ожидании попутного ветра.

– Подпиши! – Опять эта чертова папка!

– Что это?

– Счет, мой сладкий.

– Я что, должен подписывать каждый раз?

– О, я понимаю, мой господин! Ставить подпись в финансовых документах очень утомительно! Но я могу вас от этого избавить, – голос злодея предательски вкрадчив.

– Сделай одолжение.

– Все будет о'кей, – подмигивает Женька. – Как только ты подпишешь генеральную доверенность. Вам развлечения, мой повелитель, мне – работа.

Что ж, ему наплевать, как распределятся в этом проекте их обязанности, лишь бы быть с Алей.

– Когда я ее увижу?

– Завтра. Пусть она проведет ночь в квартире, благоухающей экзотическими цветами. Запах денег, мой сладкий, кого угодно сделает сговорчивым.

– Я хочу, чтобы она, как и раньше, любила меня за меня самого.

– Я верю, что ты найдешь слова, которые внушат ей любовь, – насмешливо говорит Женька. – Я же предпочитаю аргументы более весомые. Например, бриллианты. Но это будет наш следующий шаг.

Оплатив заказ, они идут к машине.

– Опа! – в руках у Женьки возникает благоухающий листок с номером телефона.

– Что это? – Они едут по широкому проспекту с ветерком, и все на них смотрят. Еще бы! Такая машина!

– Координаты Кати. Кстати, не желаешь? Я не жадный.

– Ты что, спишь с женщинами?!

– Я джинн, а не монах, – обижается Женька.

– Сколько тебе лет, почтенный?

– Ты насчет потенции? Мне столько лет, на сколько я выгляжу.

– О черт! Мне надо было подсунуть тебе фото моего дедушки!

– Ба! Да мы ревнуем!

– Ты меня развел.

– Дело сделано, сладкий мой. Мне тридцать лет. Я – Евгений Иванович. И я исполнительный директор.

– Ты гад, Жека. Можешь засунуть это себе в задницу, – кивает Алекс на листок с телефонным номером, который Женька все еще держит в руке.

– Это твое второе желание?

– Нет!

– Слово не воробей. – Женькины холеные пальцы с отполированными ногтями скручивают бумажный листок в тугой шарик.

– Э-э-э... Постой!

– Ты сказал – я сделал.

– Но ты же простил мне ящик пива?

– Запомни: если я захочу поймать тебя за язык, мне не придется долго мучиться. Поэтому обращай со мной уважительно.

– Разве не я твой господин?

– Ты, – щелчок, и бумажный шарик летит в окно, на дорогу. – Я, к сожалению, привязан к тебе узами, которые разорвать почти невозможно. И это моя главная проблема.

– А ты бы хотел стать свободным?

– Да на что мне свобода? – Женькин взгляд становится непроницаемым. – Мне и так хорошо.

– Но...

– Мы приехали! Вот он, твой дом.

– Не забудь насчет машины, – говорит Алекс, хлопая дверцей. – Может, зайдешь?

– Мне надо побыть одному. Мне еще предстоит решить твой квартирный вопрос. А заодно и свой.

– Тогда до завтра.

– До завтра, – бормочет Женька, недобро глядя ему вслед.

Алекс чувствует его взгляд, чувствует таящуюся в нем угрозу. Это похоже на правду: джинны добрые только в сказках. Но есть же оружие против зла?

«Я его найду. Мы еще посмотрим, кто победит»

Символ веры

Дома он впервые за долгие месяцы достает фотографии Али. До вчерашнего дня он не мог на них смотреть, особенно на те, где они вместе. Это не фотоальбом, это летопись счастья. Увы, короткого!

Теперь он жадно разглядывает ее лицо. Сколько раз целованы эти глаза! Эти губы, такие нежные и не очень умелые. Она чиста, как горный родник, его девочка. Он стал ее первым мужчиной. И последним.

И вот она вернулась. С другой прической, с другим именем. И взгляд у нее изменился.

– Алина, – вслух говорит он.

Красивое имя! Интересно узнать, что оно означает? Не в этом ли таится разгадка?

Когда-то вот так же из чистого любопытства он залез в Интернет и прочитал, что Ангелина переводится как ангелоподобная. Да тут и перевода не требуется. С Ангелиной все понятно.

«Алина», – торопливо выстукивают его пальцы на клавиатуре. «Алина – другая, чужая. Чужая...»

Ему становится не по себе. Казалось бы, кто верит в эту чепуху? Подумаешь, имя! Чужая.

«Она – чужая». Вся ее прелесть лишь в том, что она как две капли воды похожа на женщину, которую он любил. И

которая погибла в автокатастрофе.

И тут он вспоминает: автокатастрофа. Надо же узнать, кто ее устроил!

– Джинн! – кричит он. – Джинн!

– О господи! – Женька стоит перед ним в обернутом вокруг чресел белоснежном полотенце. – Помыться спокойно не дадут!

– Джинн, мое второе желание!

– Погоди, я сгоняю за халатом.

Минут через пять Женька материализуется на диване, одетый в белоснежный махровый халат. Белый, похоже, любимый цвет этого коварного джинна. Бывший узник пивной бутылки теперь всегда в белом.

– Я тебя внимательно слушаю.

– Мое второе желание: я хочу узнать, кто убил Алю.

– Это невозможно, – хмурится Женька.

– Почему?

– Вопрос задан некорректно.

– Хорошо: кто подстроил автокатастрофу? Кто был за рулем того «Мерседеса»?

– Ты уверен, что хочешь именно этого?

– Да!

– Подумай: у тебя останется всего одно желание. То, что ты хочешь, – пустяк. Это ведь ничего не изменит.

– Я хочу наказать убийцу!

– Опять неверная задача.

– Почему?

– Видишь ли, мой сладкий, джинны не могут убивать. Еще одно из ограничений.

– Но хотя бы узнать, кто подстроил аварию, ты можешь?

– Мне нужно время, – морщится Женька. – Надо идти в милицию, писать заявление о возбуждении уголовного дела, давать взятки...

– А это... как его? Зеркало судьбы? Волшебный хрустальный шар?

– Устарело, – вздыхает джинн. – У «Мерседеса» были тонированные стекла, и что я на хрен увижу через дурацкий шар?

– Откуда ты знаешь про стекла?

– Потому что я уже смотрел.

– А номера? Номера видел?

– И даже пробил по базе.

– И... что?

– Машина угнана. Потом ее нашли на обочине. Без отпечатков пальцев на руле и прочих интересных местах, както дверные ручки. Он их стер.

– Но ты же джинн!

– А ты хочешь сделать из меня мента. Позволь, я буду выполнять свою работу. Удовольствия – вот мой конек. А уголовные дела, извини, нет. Но я найму людей, которые этим займутся. Завтра же.

– Итак, желание принимается?

– Принимается, – нехотя говорит Женька.

– Все, ты свободен.

– Постой... Как ты сказал?

Выражение Женькиного лица меняется. Оно вдруг становится мечтательным. Орлову это не идет, его мужественным чертам под стать лишь хищный взгляд тигриных глаз с жесткими, как проволока, ресницами.

– Джинн, ты свободен... Какие слова!

– Я сказал не совсем так.

– Увы!

– Значит, это твое заветное желание? – догадался Туманов.

– Что ты, что ты!

– Так вот ты куда клонишь!

– Ну вот, проговорился, – с досадой сказал Женька.

– Я обещаю над этим подумать.

– Боюсь, что ты меня кинешь, как и все остальные. И, исполнив все твои желания, я опять полезу в лампу. То есть в какую-нибудь бутылку или даже банку. И буду глотать очередную дрянь, пока не найду новую работу. Что ж, такова судьба джиннов.

– Не стони. Иди, мойся дальше. А я подумаю над нашей проблемой.

– Слушаюсь, мой господин!

Он опять остается один. Итак, через какое-то время имя убийцы будет известно. Следующий этап – покарать его. Сте-

реть с лица земли. Уничтожить. Так может, не стоит спешить с желаниями? Женька, конечно, хитер, но и он, Александр Туманов, не лыком шит. Надо как можно дольше держать этого дерзкого джинна при себе. Надо с ним подружиться и попросить об услуге, а не исполнение желания потребовать. О дружеской услуге, всего-то.

– Алина!

Он полез в карман за своим сокровищем, номером ее телефона. И о чудо! Через каких-то пару гудков слышит ее нежный голосок:

– Да?

Она именно так и отвечает на звонок: да? Она как будто сразу же соглашается со всем, что скажет ей невидимый собеседник. Прелесть, что за девушка!

– Это Александр Туманов.

– Простите?

– Я прислал вам сегодня цветы.

– Вы меня разыгрываете?

– Разве букеты еще не доставили?!

– Доставили, но...

– Что такое?

– Нет, ничего. – Легкая заминка. – Мне отчего-то знаком ваш голос.

– Вчера я преследовал вас до метро.

– Ах, это вы!

– Подождите, не кладите трубку!

– Что вы хотите?

– Сделать вас счастливой!

– Кто вам сказал, что я несчастна?

– Я же говорил, что я экстрасенс. У меня есть волшебный шар. Я увидел в нем ваши печальные глаза, и...

– Всего хорошего! И... не надо присылать мне цветы!

Один-ноль в пользу Судьбы, которая однажды уже отобрала у него Алю. Что дальше? Ночная серенада?

– Джинн!

– Ну не повезло мне нынче с хозяином!

Женька уже одет. Он, кажется, куда-то собрался. Уж не на свидание ли? В белом костюме и начищенных ботинках, пробор идеален, взгляд суров и требователен. Исполнительный директор! А ведь пару дней назад ждал своего счастья в пивной бутылке!

– Ал, ты невыносим. Тебе что, постоянно требуется общение?

– Я дал тебе помыться.

– Но не дал пожрать.

– Куда ты идешь?

– Выполнять твое поручение! – зло говорит Женька. – Ты гоняешь меня туда-сюда, еще и требуешь пред свои светлые очи каждые пять минут. По-моему, это свинство.

– Она не хочет меня слушать!

– Ты мужик или кто?

– Что мне делать?

– Мне надо учить тебя, как ухаживать за женщинами?

– То женщины, а то она!

– Она такая же, как все, уверяю тебя. Лежи, придумывай план действий. А я пошел.

– Могу я тебя позвать, если мне будет одиноко?

– П...ц! – ругается джинн совсем как Женька. Они все больше становятся похожи, порою ему даже кажется, что никакого джинна и не было. – Ал, ты совсем расклеился. Я, конечно, могу являться на каждый твой зов, но как это будет выглядеть? Я человек занятой, а ты меня постоянно дергаешь. Я хожу по делам, между прочим твоим. Вот представь: человек пришел в милицию, его засекли на проходной, он получил пропуск и в кабинете следователя вдруг исчез. Ты хочешь дискредитировать власть?

– Твои фокусы никого там не удивят. Но ты прав. Иди, я не буду тебя беспокоить. До завтра.

– До завтра, – сердито говорит Женька и исчезает.

Алекс остается наедине со своими печальными мыслями.

Итак, Алина его не любит. Что делать?

Но утро, как говорится, вечера мудренее. Он просыпается с твердым намерением покорить Алину широтой размаха. Под окнами стоит его спортивная машина, как и заказывал: красная. И он мчится на первое свое свидание.

Она выходит из подъезда, щурясь на яркий свет, и вздрагивает, потому что он нажимает на клаксон.

– Алина! – он, улыбаясь, открывает дверцу. – Эй! Привет!

Она, похоже, не рада. Смотрит на него как на назойливую муху. А он... Он все в тех же дешевых джинсах, майке-алкоголичке не первой свежести и старых кроссовках. Женька забыл его переодеть, а беспокоить джинна еще раз Алекс вчера постеснялся. Поехал на свидание в чем есть, и, кажется, напрасно.

– Опять вы!

– Вот, решил вас подвезти.

– Передайте этому вашему... В общем, передайте ему, чтобы перестал заваливать меня цветами, – сердито говорит Алина.

– Хорошо. Цветов вы не хотите. А чего хотите? Какая ваша самая заветная мечта?

– Вам она не понравится.

– Сейчас лето. Все куда-то едут. Вот вы куда хотите?

– Я хочу остаться здесь.

– Бросьте! Всего на пару дней. Сегодня же пятница! Сгоняем в Ниццу вечером, а в воскресенье вернемся обратно. Или в Париж. Вы хотите в Париж?

– Вы что, подпольный миллионер?

– Почему подпольный? Самый настоящий!

– Вчера вы были не так самоуверенны. И бесцеремонны, – с неприязнью говорит она.

– Вчера у меня еще не было наследства моего дядюшки.

– Ах дядюшки!

– Троюродного.

– Вы врун! Жалкий обманщик! Пустите меня!

Она пытается ускользнуть, и ему ничего не остается, как вновь схватить ее за руку:

– Аля! Пойдите!

– Пустите меня!

– Ну хотите, я скажу вам правду?

– Хочу!

– У меня есть джинн. Он явился ко мне из пивной бутылки. Верите, нет, исполняет все мои желания. Если ваше сердце свободно, лучшей кандидатуры, чем я, вам не найти. Молод, хорош собой, баснословно богат и безумно влюблен. В вас, Алина.

– И вы хотите, чтобы я поверила в эту чушь?

– Я могу доказать. Пожелайте что-нибудь, я щелкну пальцами, и все мигом будет исполнено.

– Я хочу, чтобы вы исчезли.

Это нечестно. Мало того, подло. Она злая. Или у нее кто-то есть.

– Ну, что же вы? – Алина гипнотизирует его своими огромными голубыми глазами, противостоять взгляду которых у него просто нет сил. – Почему вы еще не исчезли?

– Я не могу. То есть могу все, кроме этого.

– Значит, вы врун!

Она проходит мимо. Он бросается вдогонку:

– Алина, вы любите музыку? А книги? Быть может, картины? Хотите, я подарю вам Рембрандта? Подлинник, кля-

нужь! Хотите, я превращу вашу квартиру в галерею? Или нет. Я выстрою для вас дворец, в котором будет картинная галерея!

– Отстаньте от меня!

– Те-те-те... Ты что, не видишь, Ал, девушка торопится, – и возникший как из-под земли Женька бесцеремонно перегораживает ей дорогу. – Прежде чем меня обойти, красавица, вам придется ответить на три вопроса.

– Почему именно три? – сердится Алина.

– Магическое число. Три медведя, три богатыря, три сестры, три желания, наконец. Итак, вопрос первый: где мы будем ужинать?

– Я у себя на кухне. А вы не знаю.

– Ал, нас пригласили в гости! Вопрос второй: что мы будем пить?

– Я не пью!

– Ты слышал? Она сказала шампанское! И вопрос третий: что мы будем есть?

Аля уже не злится, она смеется.

– Я и в самом деле не пью.

– Если вы думаете, что кто-то пытается вас споить... О нет! Это не наш метод! Мы покоряем женщин любовью и нежностью, – и Женька бережно берет ее тонкую руку в свои ладони и подносит к губам. – Вас никто не обидит.

– Я не могу пригласить малознакомых людей в дом.

А руку она, между прочим, не отнимает! О боже! Она улы-

бается! И тут Алекс понимает, что пора вмешаться. Дайте же слово немому!

– Алина, а пойдёте с нами в ресторан. У меня свой ресторан, самый шикарный в Москве, клянусь! – хвастается он. – А еще торговый центр! Много! В разных городах! Женька, где там у меня торговые центры? В Сочи есть?

Алина смотрит на него с неприязнью.

– В Сочи нет, – сухо говорит Женька.

– Черт! Ошибся малость.

– Я вряд ли смогу, – она явно колеблется. – Наверное, все-таки нет.

Его Аля «нет» говорить не умела.

– Почему? – огорчается Женька.

– Ваш друг... Он какой-то странный. Вчера меня напугал, а сегодня... Мне кажется, что он лгун и хвастун. Я с ним никуда не пойду.

– А со мной? Со мной пойдёте? – вкрадчиво спрашивает Женька.

– С вами? – она вновь колеблется.

– Э-э-э... – начинает злиться Алекс. – Я не понял, Орлов, что здесь происходит?

– Отойдем на пару слов, – Женька хватает его за руку и тащит в сторону. – Ты что, не понимаешь, что можешь все испортить? Она сейчас уйдет!

– И что мне делать?

– Тебе ничего. Предоставь мне во всем разобраться.

– То есть сходить с ней в ресторан? Ты что, и целоваться за меня намерен? А может, и первую брачную ночь ты тоже возьмешь на себя? Зачем же господину так утруждаться!

– Если господин дурак, то...

– Что ты сказал?!

– Ничего, о мой повелитель.

– Я требую, чтобы ты добыл для меня эту девушку!

– Слушаюсь и повинуюсь, – в Женькином поклоне издевка. – Но тогда давайте мне не мешать? Ты ее пугаешь, потому что ты мрачен. Позволь мне с ней поговорить. Я попытаюсь объяснить ей, почему ты так себя ведешь. Что ты, в общем-то, неплохой парень, просто немного нервный.

– Хорошо. Так и быть, Орлов, я тебе поверю. Расскажи ей о моей печали. О том, как сильно я ее люблю.

– Слушаю и повинуюсь.

Алина стоит в сторонке и тоскующим взглядом смотрит на играющих в песочнице детей. Лицо у нее грустное.

– Аля, – окликает ее Женька.

– Да?

– Позвольте я вас подвезу.

– Что ж... Я не против.

– Садитесь, – Орлов открывает перед ней дверцу.

– У вас красивая машина, – говорит она, усаживаясь на переднее сиденье.

– Да, неплохая.

Женька захлопывает дверцу и ловко, как опытный наезд-

ник в седло, приземляется на водительское место. Алекс стоит как вкопанный, глядя, как его девушка уезжает с его джином в его машине. И только когда от них остается лишь облачко пыли, кричит вдогонку:

– Э-э-э! А как же я?

Что ж, так бывало и раньше. Они с Женькой очень уж разные. Его лучший друг похож на фейерверк. Женька взрывается сразу и тут же идет на штурм. Оно и понятно: Орлов красавец, он обаятелен, галантен, а когда надо – требователен. Но огонь этот холодный. Пресытившись, Женька доводит свою девушку до слез за считанные секунды. Первое слово всегда за ним. С Орловым соперничать трудно, когда он в ударе, вот как сейчас.

«Господи, о чем я? Это же не Женька! Это мой верный раб, джинн из лампы. То есть из бутылки. И без меня он ничто»

Утешив себя этой мыслью, он бредет к метро. Джинн, перевоплотившийся в Женьку, стал таким же эгоистом, как и Орлов. Даже не подумал о том, что хозяин остался без транспорта и, кажется, без денег.

– О черт! – Алекс хлопает себя по карманам.

Ни копейки! Правда, в одном лежит кредитная карточка. Платиновая. Толку-то с нее? Он все равно не знает пин-код.

– Джинн! Джинн!

Никакого эффекта. Все правильно, Женька сейчас с Алиной, он же не может внезапно исчезнуть прямо из-за стола,

хотя... Сказал бы, что в туалет надо.

– Я убью тебя, Орлов! – ругается Алекс, стоя у кассы, где продают билеты на метро. – Девушка, вы кредитные карты принимаете? – обращается он к пятидесятилетней пергидрольной «девушке» со злым усталым лицом.

Все понятно: на дворе лето, погода прекрасная, а она сидит в этом «стакане», занятая нудной утомительной работой, да еще и вынуждена выслушивать всяких идиотов типа него.

– Молодой человек, не мешайте работать!

– Ну пожалуйста! Что вам стоит? Я забыл дома наличные. Это же платиновая карта!

– Что, проигрался? – сочувственно смотрит на него небритый мужик, от которого разит перегаром, и вдруг сует ему мятую десятку: – На, возьми.

– Спасибо, – машинально говорит он. На проезд этого все равно не хватит.

Какая-то сердобольная тетенька сыплет в его ладонь мелочь, рублей пять. Он, как дурак, стоит у кассы метро со своей платиновой кредиткой в руке и заливается краской стыда.

– Я все верну, честно! В десятикратном, нет, в тысячекратном размере! Оставьте мне ваши координаты!

Тетенька тут же от него шарахается, лицо у нее испуганное.

– Граждане, мне не хватает каких-то десяти рублей! Кто сколько может, умоляю! – взывает он к равнодушным прохожим.

– Иди сюда, – манит его стоящая у турникета женщина в форме. – Из казино, что ли? Вчера парнишка тоже фишками пытался проезд оплатить. Мать-то знает?

– Я не игрок.

– Ладно, иди, – контролерша, посторонившись, дает ему дорогу.

Должно быть, у нее тоже есть сын.

– Спасибо, – говорит он и ныряет в метро, засовывая милостыню в карман джинсов. Мир не без добрых людей.

Он, Александр Игоревич Туманов, миллионер, владелец нескольких ресторанов и торговых центров, трясется в душном вагоне метро и то по милости какого-то контролера! И благодарит небо за это! В то время как Орлов обольщает его девушку! Что-то тут неправильно. Что-то не так.

– Я хочу проснуться, – говорит Алекс, глядя на свое отражение в вагонном стекле. – Мама!

– Все хорошо, Саша. Я здесь.

Что это? Его мобильный телефон? Мамин голос в трубке.

– Ты справишься, я знаю. Я верю, что у тебя все получится.

Мама... В какой-то момент ему кажется, что все закончилось. В следующее мгновение он откроет глаза, и все встанет на свои места. Джиннов не существует. Просто он, увы, не может контролировать ситуацию в реальности. Все это проекция в мире его больного воображения. Но вот сейчас... Сейчас....

Сейчас... Визг тормозов.

Черт! Его станция! Надо выходить. Не получилось.

– Орлов, я тебя убью!

Вечером у них с Женькой состоялись серьезные разборки.

– Наконец-то! – говорит он, когда Орлов материализуется на кухне. На Женьке махровый халат, разумеется белоснежный, волосы влажные, он, похоже, успел принять душ. – Явился!

– У тебя пожрать что-нибудь есть?

– А совесть у тебя есть? Ты же обедал в ресторане!

– Да, но я не ужинал! Спешил к тебе, о мой господин. Так что давай, жарь картошку.

– Какой же ты гад!

– Что случилось, о мой господин? – невинно смотрит на него Женька.

– Что случилось?! Он еще спрашивает! Ты сделал это нарочно! Ты знал, что у меня нет денег!

– Нет денег? – удивился Женька. – Я же обо всем позаботился. У тебя банковский счет с шестью нулями, и это так, на мелкие расходы. Ты мог бы, не сходя с места, купить автобус, который проезжал мимо.

– Ты что, издеваешься надо мной?!

– Если тебе не хватает сообразительности, тут уж я не виноват, – нагло улыбается Женька. – В твоём кармане была платиновая кредитка, и я тебя не в пустыне оставил. В окрестностях полно банкоматов.

– А пин-код?

– А мозгами пошевелить?

– Я что, каждый раз, как мне захочется получить мои законные деньги, должен разгадывать ребус?!

– Пин-код – год рождения Али. Все просто.

– Только идиот может выбрать такой простой код для платиновой кредитки!

– На идиота и рассчитано, – парирует Женька. – А оказалось, ты даун.

– Я тебя сейчас убью!

– Э-э-э...

Женька поспешно исчезает и возникает на безопасном от Алекса расстоянии, у плиты, на которой жарится картошка. Откуда картошка-то? Опять, гад, материализацией занялся! Руки Алекса бессильно опускаются.

– И ты не хочешь знать, как прошло мое, то есть твое, свидание с Алиной? – вкрадчиво спрашивает Орлов.

– Да, как все прошло?

– Мы вошли с ней в контакт. Теперь...

– Что теперь?

– Надо провезти ее по магазинам. По бутикам. Все эти Армани, Дольче с Габбаной... В общем, надо ее приодеть.

– Но если она возьмет такие дорогие подарки...

– Вот именно. Ты просто ловишь все на лету, о мой господин! Прошу прощения за дауна. Если она их примет, значит, в принципе, уже согласна. А какая женщина устоит перед

таким искушением? У Али прекрасная фигура, все модные вещи просто созданы для нее, – мечтательно говорит Орлов.

– Когда ты успел ее рассмотреть? – ревниво спрашивает Алекс.

– Ты сам показывал мне ее фото в купальнике.

– Я показывал их Женьке.

– Это все равно что мне.

– Не смей трогать ее своими грязными лапами!

– Я делаю только то, что хочешь ты. Ее надо ослепить богатством. Показать ей мир, который она до сей поры не знала. Провести ее темными лабиринтами потаенных желаний, в каждом зажигая факел, а когда в конце вдруг вспыхнет яркий свет и она увидит свое отражение в зеркале... О! Вот это будет женщина-мечта!

– Значит, ты хочешь ее развратить? Неужели нет иного способа ее добиться?

– Увы, – вздыхает Орлов. – По-честному никак.

– И я не могу этому помешать?

– Можешь.

– Но как?

– Думай. Но предупреждаю: у тебя осталось мало времени. Твои часы тикают.

Неизвестно откуда в руках у Женьки появляются песочные часы.

– Туманов, гляди! Гляди внимательно!

Тот молча смотрит, как тонкой струйкой льется песок.

Вот он разделился пополам: одна половина вверху, другая – внизу. Или нет... Внизу его все же чуть больше. А песок все льется и льется.

– И тогда все, конец? – кивает Алекс на часы.

– Да.

– А что будет с ней?

– Она, возможно, никогда не станет так счастлива, как была бы с тобой. Но у нее зато будет другое. То, о чем мечтают все, ну, почти все женщины: праздная жизнь, полная шальных денег и всего, что на них можно купить. Если хочешь, я тебе покажу.

Часы исчезают, вместо них появляется огромный хрустальный шар. Ах Орлов, ну и гад же ты! Все у тебя есть! Весь инвентарь, необходимый для волшебства! Ты просто темнишь! Женька отпускает шар, но тот почему-то не падает, а висит в воздухе.

Туманов видит в хрустальном шаре Алину, она выходит из двери, над которой сияет вывеска: Салон красоты. Она теперь яркая блондинка, у нее стильная стрижка и безупречный макияж, лицо загорелое, несмотря на то что на дворе зима, руки холеные, ногти длинные с белыми кончиками, на одном из пальцев кольцо с огромным бриллиантом. На ней шубка из шиншиллы, в руках дорогушая сумочка, из которой Алина небрежно достает ключи от машины. Лицо у нее каменное, глаза холодные, она ни на кого не смотрит, но всей своей кожей жадно ловит завистливые взгляды женщин

и восхищенные – мужчин. Это то, чем она живет, что наполняет теплом ее вены вместо крови, которая давно уже остыла.

Она – олицетворение успешности. Ее иномарка стоит сумасшедших денег, но весь вид Алины говорит о том, что садиться в такую машину для нее дело обычное. Каждый ее жест выверен, каждое движение отточено. Она – богиня.

Но ему вдруг делается страшно.

– Нет!!!

Ему кажется, что он кричит, а на самом деле шепчет.

– Женька, как же так?

– А что тебе не нравится? – Орлов задумчиво смотрит в хрустальный шар. – Хороша, а?

– Я так не хочу!

– А она? У нее ты спросил?

– Она не может этого хотеть. Я не спрашивал, но я знаю.

– Что ты можешь знать? – усмехается Женька и дует на хрустальный шар.

Изображение в нем туманится, шар превращается в облачко, которое постепенно развеивается. В кухне остается лишь сизый дымок. Туманову даже кажется, что пахнет порохом. Порохом?

– Значит, война?

– Тебе надо найти правильное решение. То, что ты видел, еще не будущее. Лишь один из вариантов будущего.

– Но это все, – Алекс кивает на сизое облачко, которое все

еще висит в воздухе, – кто даст ей это?

– Мужчина, разумеется, – сердито говорит Женька.

– То есть ты?

– Я? – Орлов раскатисто смеется. – Ты разве забыл, что я джинн?

– То есть ты не мужчина?

– А в морду? Давай проверим, кто из нас мужчина, а кто нет! – Женька становится в боксерскую стойку и делает выпад правой рукой в литой перчатке: – Ну? Давай! Что, Ал, слабо? Слабо, а?

У Туманова на руках невесть откуда тоже появляются боксерские перчатки.

– В крррррррасном углу! Великий и Ужасный! Туманов Александррррррррррр!!!!!! – раскатисто орет Женька, и уже на два тона ниже: – Ну а в синем я, всемогущий джинн, в миру Евгений Орлов. Так себе, погулять вышел. Господа, делайте ваши ставки! Фаворит, разумеется, Великий и Ужасный.

– Иди ты в... – Алекс тут же спохватывается: – Нет, это не мое третье желание! Орлов! Будь серьезен!

Женька опускает руки.

– Хорошо. Я серьезен. Серьезен, как никогда. И я тебе на полном серьезе отвечаю: я не человек. Пока. Хотя у меня есть имя, есть должность, есть квартира, машина. В общем, все. Но имеется одно маленькое «но».

– Я, кажется, начинаю догадываться.

– И все зависит только от тебя.

– А раз так... Ты ее никогда не получишь!

Женька смеется.

– Какие еще будут приказания, мой господин?

– Исчезни!

– Слушаю и повинуюсь!

Орлов исчезает, а вместе с ним и вся эта дребедень: песочные часы, хрустальный шар, боксерские перчатки. Алекс остается один. На душе беспокойно. Что все это значит? Алина никогда не будет с Женькой, если он не даст джину свободу, чтобы тот окончательно превратился в человека. Это может длиться вечно. Жаль, молодость не вечна. Они так и состарятся в любовном треугольнике, не решив элементарной геометрической задачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.